

I 706

I 706

Томъ девятый. № 2
Т. изд. 1876

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

W 16955

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Библиотека ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Шифр И. Я. К.

№ 2730.

КАРЕЛО-ФИНСКОЕ БАЗИСЪ

Линдн-ка.

Карело-финская База
Академии Наукъ
БИБЛИОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1872.

1973 г.

Handwritten text, possibly a signature or title, partially obscured and mirrored.

Faint, mirrored text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, январь 1872 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій*.

Rectangular stamp or label with handwritten text, including numbers like '2130' and '1872'.

Faint, mirrored text at the bottom of the page, likely bleed-through.

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ

АРСЕНЬЕВЪ

Род. 12 Октября 1789 г † 29 Ноября 1865 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ БУМАГИ

СОБРАННЫЯ

КОНСТАНТИНОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ АРСЕНЬЕВЫМЪ

ПРИВЕДЕНЫ ВЪ ПОРЯДОКЪ И ИЗДАНЫ

АКАДЕМИКОМЪ **П. ПЕКАРСКИМЪ.**

СЪ ПОРТРЕТОМЪ К. И. АРСЕНЬЕВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ кончины академика Константина Ивановича Арсеньева въ 1865 г., сынъ его Александръ Константиновичъ просилъ меня предоставить отъ имени его и братьевъ въ распоряженіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ оставшіеся послѣ отца ихъ рукописные историческіе матеріалы, съ тѣмъ, чтобы изъ этихъ матеріаловъ имѣющіе значеніе для науки были обнаружены. Въ то же время Александръ Константиновичъ Арсеньевъ передалъ мнѣ отрывокъ изъ Записокъ и уцѣлѣвшую переписку отца его, которыми я воспользовался при составленіи статьи о жизни и учено-литературныхъ трудахъ К. И. Арсеньева.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности признало, что большая часть предоставленныхъ въ его распоряженіе бумагъ бывшаго сочлена, по значенію своему для русской исторіи, заслуживаютъ быть изданными въ свѣтъ, и потому исходатайствовало чрезъ г. Президента Академіи наукъ, графа Ѳ. П. Литке разрѣшеніе свѣрить означен-

ные матеріалы съ дѣлами Государственнаго архива Министерства иностранныхъ дѣлъ.

Провѣрка по подлинникамъ арсеньевскихъ бумагъ, равно какъ и изданіе ихъ въ свѣтъ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности возложило на меня съ тѣмъ, чтобы я приступилъ къ этому труду, когда мои другія занятія не будутъ тому препятствовать. Работы, начатыя мною еще прежде того, а потомъ тяжкая болѣзнь отдалили на нѣсколько лѣтъ возможность исполненія такого порученія. Между тѣмъ въ началѣ нынѣшняго 1871 года скончался Александръ Константиновичъ Арсеньевъ. Неожиданная утрата человѣка, съ которымъ меня связывала давняя и искренняя пріязнь, напомнила мнѣ о долгѣ исполнить задушевное желаніе его, и я рѣшился, не откладывая далѣе, приступить къ выполненію порученія, даннаго мнѣ отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

При ближайшемъ разсмотрѣніи арсеньевскихъ матеріаловъ оказалось, что болѣшая часть изъ нихъ списаны покойнымъ академикомъ въ Государственномъ архивѣ, куда онъ былъ допущенъ для занятій, какъ наставникъ русской исторіи Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора. При этомъ случаѣ К. И. Арсеньевъ обращалъ вниманіе не только на извѣстія для исторіи двора и высшаго общества въ Россіи XVIII столѣтія, но и на такія событія, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являлись люди, ничѣмъ особенно не выдѣлявшіеся изъ нашего простонародья, но тѣмъ не менѣе имѣющіе значеніе для любознательнаго историка, какъ представители народа, его потребностей и умственнаго уровня въ данную эпоху. Извѣстно, что у насъ до сихъ поръ мало издано матеріаловъ этого рода, потому что достать ихъ болѣе трудно, чѣмъ извѣстія объ образованныхъ классахъ общества, дѣятельность которыхъ всегда оставляетъ послѣ себя болѣе или менѣе

замѣтные слѣды. По этому въ настоящемъ сборникѣ отведено значительное мѣсто источникамъ, извлеченнымъ К. И. Арсеньевымъ для исторіи русскаго народа въ XVIII столѣтіи. За тѣмъ изъ другихъ матеріаловъ его, нѣкоторыя, какъ наприм. письмо царицы Евдокіи Θεодоровны о нуждѣ, претерпѣваемой ею въ монастырѣ, разсказъ царевича Алексѣя Петровича, какъ принялъ его въ Москвѣ Петръ Великій въ первое свиданіе послѣ вызова его изъ за-границы, указъ Екатерины I о преобразованіи разныхъ частей государственнаго управленія — доставляютъ новыя черты для русской исторіи первой половины XVIII столѣтія. Хотя въ послѣднее время появлялись въ печатѣ извѣстія о Биронѣ, однако въ бумагахъ К. И. Арсеньева отыскалось нѣсколько свѣдѣній объ этомъ временникѣ, которыя или были донинѣ напечатаны не вполне, или же вовсе оставались неизвѣстными. Изложеніе провинностей графовъ Остермана, Миниха, Головкина и другихъ лицъ, сужденныхъ при императрицѣ Елисаветѣ, было извѣстно только по отрывкамъ изъ книги Маркизь де ла Шетарди въ Россіи въ 1740—1742 годахъ, изъ Русскаго архива г. Бартенева и XXI-го тома Исторіи Россіи г. профессора С. Соловьева. Допросы и отвѣты маркиза Ботта-Адорно по дѣлу Лопухиныхъ, не заключаая въ себѣ особенно вѣскихъ показаній, необходимы однако для полноты извѣстій о событіяхъ, подавшихъ поводъ къ этому уголовному дѣлу. Въ Описаніи Финляндіи, сдѣланномъ вскорѣ послѣ 1764 года, встрѣчаются извѣстія о хозяйствѣ страны, о которой вообще мало у насъ свѣдѣній, дошедшихъ отъ прошлаго столѣтія. Переписка графа З. Чернышева съ іезуитскимъ провинціаломъ Черневичемъ прибавляетъ подробность для объясненія того, что изложено по этому предмету въ трудѣ о. Михаила Морошкина, Іезуиты въ Россіи. Двѣ записки князя Адама Чарторижскаго объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи въ 1805 и 1812 годахъ знакомятъ съ

взглядами этого польскаго магната въ тѣ времена, когда онъ былъ еще русскимъ государственнымъ челоѡкомъ. Эти двѣ статьи, равно какъ и вышепомянутое Описаніе Финляндіи, остались непроѡренными по подлинникамъ, такъ какъ остается неизвѣстнымъ, откуда списать ихъ покойный К. И. Арсеньевъ.

П. Пекарскій.

20 декабря 1871 года.

О ЖИЗНИ И УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ

АКАДЕМИКА КОНСТАНТИНА ИВАНОВИЧА АРСЕНЬЕВА.

Настоящая статья о Константинѣ Ивановичѣ Арсеньевѣ составлена отчасти на основаніи рукописныхъ записокъ его, принадлежащихъ нынѣ старшему сыну покойнаго академика, Юлію Константиновичу, и прерывающихся на 1828 годѣ. Я извлекъ изъ этихъ записокъ все извѣстія, имѣющія историко-литературный интересъ, обойдя молчаніемъ только такіе изъ помѣщенныхъ тамъ разказовъ, которые имѣютъ значеніе семейныхъ воспоминаній, или касаются прохожденій Арсеньева по службѣ.

Бумаги, оставшія послѣ него, были переданы въ мое распоряженіе сыновьями Константина Ивановича, которымъ за такое довѣріе ко мнѣ долгомъ считаю выразить имъ здѣсь живѣйшую мою признательность. Въ бумагахъ этихъ сохранилось нѣсколько писемъ Арсеньева къ его отцу, также письма В. А. Жуковскаго, графа Д. Н. Блудова, А. И. Тургенева и другихъ. Хотя письма этихъ лицъ суть не что иное какъ наскоро писанныя короткія записки, тѣмъ не менѣе однако въ нихъ встрѣчаются иногда указанія на событія и обстоятельства, которыя со временемъ, безъ сомнѣнія, обратятъ на себя вниманіе изслѣдователей и сдѣлаются достояніемъ исторіи.

Кромѣ сейчасъ названныхъ матеріаловъ, для оцѣнки печатныхъ трудовъ Арсеньева, я обращался къ разнымъ сочиненіямъ и современнымъ періодическимъ изданіямъ, которыя всѣ указаны въ ссылкахъ.

I.

Годы ученія. Костромская семинарія. Педагогическій институтъ.

Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ родился 12 октября 1789 года въ селѣ Мирахановѣ костромской губерніи, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Чухломы. Отецъ его былъ сельскимъ священникомъ, также какъ и дѣдъ, который проживалъ въ селѣ Акутинѣ, гдѣ внукъ его и выучился читать.

Въ концѣ 1799 года Арсеньевъ привезенъ былъ въ Кострому и опредѣленъ въ тамошнюю семинарію. «Ученическая жизнь моя въ семинаріи, замѣчаетъ Арсеньевъ въ запискахъ, не ознаменовалась никакимъ событіемъ... учителя благоволили ко мнѣ; но познаній я пріобрѣталъ мало. Причиною тому — невѣжество и неспособность учителей. О развитіи понятій дѣтей они не заботились — учили, чему учились сами за двадцать, тридцать лѣтъ; за успѣхами въ наукахъ не слѣдовали и не могли; держались старинныхъ руководствъ, заставляли твердить все на память; просматривать или прослушивать заданный урокъ считали они единственною своею обязанностью. Не могу вспомнить я теперь безъ сожалѣнія объ отроческихъ лѣтахъ моихъ, почти бесполезно прожитыхъ; только частыя упражненія въ сочиненіяхъ и знанія въ нѣмецкомъ языкѣ, пріобрѣтенныя мною въ классѣ, послужили мнѣ въ пользу въ послѣдующіе годы моей жизни»...

Въ послѣдній годъ пребыванія своего въ семинаріи Арсеньевъ началъ знакомиться съ современною русскою литературою. Одинъ изъ его тогдашнихъ пріятелей, купецъ Калашниковъ давалъ ему читать сочиненія Державина и Карамзина и романы модныхъ тогда писателей: Коцебу, Мармонтеля, Дюкре-Дюмениля и Радклифъ. Какъ часто случается съ юношами, Арсеньевъ читалъ, по его словамъ, все, что ему ни попадалось, безъ всякаго разбора.

Еще въ 1786 году, отъ петербургскаго главнаго народнаго училища была отдѣлена учительская семинарія, которой назначе-

ніе состояло въ приготовленіи наставниковъ для училищъ. Въ 1803 году, по свидѣтельству тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго, это заведеніе «до того оскудѣло, что въ немъ не находилось ни единого воспитанника, приготовленнаго наукою къ занятію учительскаго мѣста». Между тѣмъ министръ удостовѣрялъ, что долгій опытъ указалъ на пользу отъ существованія семинаріи, почему и представлялъ о возобновленіи ея подъ названіемъ учительской гимназіи. Въ слѣдующемъ 1804 году она была уже устроена окончательно и, какъ отдѣленіе имѣющаго быть въ Петербургѣ университета, получила названіе педагогическаго института. Въ 1806 году, въ Петербургѣ учредилось второе отдѣленіе этого института для ста студентовъ, о присылкѣ которыхъ изъ семинарій было сообщено мѣстнымъ архіереямъ ¹⁾. Костромской епископъ Евгеній, получивъ о томъ предписаніе изъ синода, велѣлъ выбрать для предназначенной цѣли пятнадцать лучшихъ семинаристовъ изъ философскаго и богословскаго классовъ. Въ числѣ изъявившихъ желаніе поступить въ педагогическій институтъ явился и Арсеньевъ. По испытаніи, онъ былъ найденъ къ тому достойнымъ, а потому его отправили въ Петербургъ съ нѣсколькими изъ товарищей, которые всѣ прибыли туда 12 октября 1806 года.

О годахъ ученія въ педагогическомъ институтѣ и тогдашнихъ профессорахъ его Арсеньевъ оставилъ слѣдующія обстоятельныя свѣдѣнія въ своихъ запискахъ:

«Первые мѣсяцы пребыванія нашего въ институтѣ прошли въ испытаніяхъ профессорскихъ и въ знакомствѣ между собою товарищей, собравшихся изъ разныхъ концовъ Россіи. Съ началомъ 1807 года открылся курсъ ученія нашего. Я обратилъ особенное вниманіе на изученіе французскаго языка, который былъ вовсе для меня чуждъ. Въ этомъ году, въ аудиторіи нашего института произведенъ торжественный актъ выпуска студентовъ перваго курса, окончивавшихъ ученіе. Сей актъ осчастливленъ былъ личнымъ присутствіемъ императора Александра I; тутъ въ первый разъ удостоился я видѣть государя и многочисленную

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. I., стр. 186, 187, 205, 206, 390, 391.

блистательную свиту высокихъ сановниковъ, между коими особенно памятны для меня остались физиономіи графа П. В. Завадовскаго и А. С. Строгонова. На семъ актѣ читана была лекція о царствованіи короля французскаго Генриха IV и произнесено похвальное слово Минину и Пожарскому. Государю, казалось, отмѣнно понравились и самое слово и дикція оратора-сочинителя, студента Александровскаго, который въ тотъ же день получилъ монаршую награду — золотые часы. Послѣ акта, двѣнадцать отличнѣйшихъ по успѣхамъ студентовъ назначены къ отправленію за границу для усовершенствованія и для приготовленія въ званіе профессоровъ ¹⁾. Это назначеніе казалось мнѣ такъ лестнымъ, что съ того времени запала въ душу мою мысль о путешествіи въ чужіе края. Мысль эта была любимою моею мечтою во все время моего студенчества; она подстрекала меня къ прилежанію; всѣ усилія употреблялъ я къ тому, чтобы превзойти товарищей и сдѣлаться извѣстнымъ и профессорамъ, и начальникамъ высшимъ».

«Но, по излишней скромности, по застѣчивости и неодолимой робости, и по молодости моей — я былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей — долго я не былъ замѣченъ. Первые два года прошли тихо и для меня самого не памятно. Я прислушивался къ политическому говору моихъ старшихъ товарищей, судившихъ и рядившихъ о Наполеонѣ, о Питтѣ, о Фоксѣ, о тильзитскомъ мирѣ, о величій Россіи и ея униженіи и пр., и пр. Пылкій патріотизмъ молодыхъ умовъ проявлялся въ шумныхъ крикахъ противъ повелителя французовъ, противъ эгоизма англичанъ и въ возгласахъ о малодушіи и безсиліи нѣмцевъ . . .

«На третьемъ году нашего курса, я стоялъ уже въ ряду отличныхъ студентовъ по предметамъ исторіи, географіи, статистики и политической экономіи и пользовался особеннымъ расположеніемъ профессоровъ Зябловскаго, Терлаича, Германа и Болугьянскаго. Первый, не имѣя отличнаго дара слова въ преподаваніи науки, по существу сухой, географіи, отличался необык-

¹⁾ Эти двѣнадцать воспитанниковъ были: Кайдановъ, Галичь, Плисовъ, Куницынъ, Бутырскій, Чижовъ, Воронковскій, Карцовъ, Соловьевъ, Ржевскій, Кастальскій, Подзорскій. См. Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, Т. I, стр. 458 и слѣд.

новеннымъ трудолюбіемъ, строгостью во взысканіяхъ, точностью въ исполненіи собственныхъ обязанностей, и своими настоятельными требованіями знанія заданныхъ уроковъ вынуждалъ, такъ сказать, успѣхи. Всѣ студенты по его части знали что нибудь непремѣнно, и экзамены сходили всегда удовлетворительно. Второй, Терлаичъ, въ первое время увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, по послѣ одолѣваемой лѣнью, прекратилъ онъ свое изустное преподаваніе и ограничился простымъ чтеніемъ Исторіи Милота. Я любилъ страстно исторію, но его чтенія и мнѣ наскучивали. Я сталъ читать Гиббона, Робертсона, Юма, Фергюсона и другихъ и приобрѣталъ познанія не отъ уроковъ преподавателя скучнаго, но отъ чтенія знаменитыхъ писателей. И теперь еще живо помню, какъ отвѣчалъ я во время частнаго профессорскаго испытанія на вопросы, заданные мнѣ въ одинъ разъ о пуническихъ войнахъ и въ другой—объ открытіи Новаго Свѣта: ровно по часу говорилъ я, и мои отвѣты въ оба раза производили восторгъ и даже удивленіе профессора и заслуживали всеобщіе, самые лестные отзывы товарищей—я выходилъ изъ класса какъ бы въ триумфѣ. Профессоръ Германъ былъ не ровень въ своихъ лекціяхъ, иногда говорилъ какъ бы въ дремотѣ, иногда читалъ по своимъ нѣмецкимъ тетрадамъ, переводя ихъ самымъ дурнымъ русскимъ языкомъ. Иногда же, впрочемъ рѣдко, онъ какъ будто пробуждался отъ сна и, воспламенившись говорилъ превосходно, умно и назидательно; тогда и мы всѣ одушевлялись, поглощали каждое его слово и съ любовью внимали предмету новому, интересному и съ такимъ одушевленіемъ и искусствомъ излагаемому. Къ сожалѣнію такія восторженныя минуты находили на Германа весьма рѣдко. Дни, въ которые приходилъ къ намъ на уроки профессоръ Болугьянскій были для всѣхъ насъ свѣтлымъ праздникомъ. Съ восторгомъ бѣжалъ каждый изъ насъ въ классы, узнавъ о его прибытіи; его одушевленные и умныя чтенія слушаемы были съ безмолвнымъ вниманіемъ; самыя отвлеченныя умозрѣнія о капиталѣ, о потребленіи, о банкахъ, о кредитѣ нисколько не утомляли силъ, напротивъ возбуждали самый высокій интересъ и любознательность. Болугьянскій, державшійся всегда кротко и вѣжливо, но съ большимъ достоинствомъ, былъ всеобщимъ любимцемъ студентовъ, а по отбытіи его изъ клас-

совѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, безумолчно говорили о содержаніи его лекцій, разсуждали, спорили и научались. Прочіе профессеры: Кукольникъ, пользовавшійся незаслуженною славою ученаго, человекъ поверхностный, но умѣвшій товаръ лицомъ продать; Теряевъ, совершенно ничтожный, раболѣпный и безнравственный; Резановъ, бѣдный математикъ именованъ только, и Лоди, добрый, но ограниченный въ своихъ познаніяхъ— мало знали меня, потому что я мало занимался ихъ предметами.

«Въ нашей конференціи, или въ совѣтѣ института имѣлъ рѣшающій голосъ И. И. Мартыновъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія и преподаватель русской словесности и эстетики въ институтѣ. Познаній ученыхъ онъ не имѣлъ, преподаватель былъ недаровитый, но зналъ хорошо греческій языкъ, хорошо писалъ по русски и потому считалъ себя въ правѣ объявлять претензіи на званіе литератора. Любимый министрами и съ полномочіями почти неограниченными, управляя всѣми дѣлами министерства, онъ деспотически распоряжался и въ институтѣ. Профессеры безпрекословно творили волю его: одни изъ страха или раболѣпства, другіе съ намѣреніемъ отстраняли себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла института, будучи заняты другими должностями. Судьба студентовъ почти исключительно зависѣла отъ Мартынова: его благоволеніе служило залогомъ счастливаго окончанія ученическаго поприща, а его нерасположеніе грозило бѣдою. Обремененный дѣлами по управленію департаментомъ, онъ рѣдко посѣщалъ классы института и всегда пріѣзжалъ то въ видѣ грознаго судіи для произнесенія какого нибудь приговора, или осужденія кого либо изъ студентовъ по рапорту инспектора Лубкина ¹⁾. Онъ зналъ весьма немногихъ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ Арсеньевъ, по случаю назначенія директоромъ института Е. А. Энгельгардта (1812 г.), замѣчаетъ: «черезъ это назначеніе Мартыновъ, дотошѣ всемогущій, потерялъ много своего значенія и вліянія на дѣла. Не въ предосужденіе чести Мартынова, но по сущей справедливости могу сказать, что вліяніе его никогда не было намъ въ пользу. Многіе молодые люди, имъ напуганные, спѣшили выбраться изъ института, кидались на мѣста и пропадали отъ униженія, отъ нужды и бѣдности. Никто изъ моихъ товарищей и въ позднѣйшіе годы не вспоминалъ объ немъ безъ душевнаго негодованія. Недобрую память оставилъ онъ о себѣ!» Такіе отзывы Арсеньева далеко не согласуются съ тѣмъ изображеніемъ, которое представилъ о Мартыновѣ позднѣйшій его биографъ, ср. «Литературные дѣятели прежняго времени» Е. Колбасина, СПб., 1859 г., стр. 1—168.

студентовъ: этимъ счастьемъ пользовались только тѣ, которые пописывали стишки или литературныя статейки. Я не былъ ни поэтомъ, ни бельетристомъ и потому оставался еще неизвѣстнымъ до 1810 года. Но постоянное стремленіе къ предположенной цѣли и твердая воля одолѣваютъ всѣ препятствія: Мартыновъ не только узналъ, но и полюбилъ меня особенно, и вотъ по какому поводу: желая утвердить себя въ знаніи языковъ, я много читалъ и по французски и по нѣмецки, и дѣлалъ переводы изъ Шиллера, Клопштока, Виланда, Гете, Матиссона, Шатобриана и другихъ. Прочитавши книгу: *Briefe von Friedrich von Mathisson*, я рѣшился перевести ее всю отъ начала до конца. Окончивши переводъ, я переписалъ его на-чисто собственною рукою и въ послѣдніе дни 1809 года поднесъ книгу свою на вниманіе И. И. Мартынова. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ или болѣе — ни отвѣта, ни привѣта. Я считалъ уже, что трудъ мой брошенъ или забытъ, какъ въ одинъ день, пріѣхавши на лекцію, Мартыновъ вошелъ въ классъ съ моею книгою подъ мышкой. Начавши лекцію свою чтеніемъ, не помню уже, какой-то статьи изъ Бутервековой Эстетики (которой, сказать мимоходомъ, не разумѣлъ и онъ самъ), онъ раскрылъ мою рукопись и сказалъ: «вотъ въ этой книгѣ найдемъ мы много примѣровъ чисто эстетическаго достоинства», и сказавши это, прочиталъ нѣсколько писемъ о картинномъ мѣстоположеніи Вевея, о прелестныхъ берегахъ Лемана, объ альпійскихъ глетшерахъ (ледникахъ) и о рейнскомъ водопадѣ. Потомъ вызвалъ онъ меня съ мѣста и привѣтствовалъ слѣдующими словами: «благодарю васъ, Арсеньевъ, за прекрасный трудъ вашъ. Я навѣдывался о васъ у профессоровъ, и отъ всѣхъ слышалъ лестные для васъ отзывы. Вижу, что вы употребили на переводъ книги Матиссона только досужее время и употребили какъ нельзя лучше. Признаюсь, я не зналъ, что вы такъ хорошо владѣете нѣмецкимъ языкомъ и даже не зналъ, что вы отличны и по моей части; у васъ очень хорошій слогъ». Съ этихъ поръ Мартыновъ постоянно благоволилъ ко мнѣ.

«Съ апрѣля 1810 года насъ занимали профессоры практически; мы должны были уже преподавать сами, въ ихъ присутствіи изготавлять лекціи на заданныя темы, обрабатывая оныя со всею подробностью и пользуясь всѣми источниками, какіе кому

извѣстны. По всѣмъ наукамъ, которыми я занимался съ любовью, профессеры были довольны манерою моего изложенія, полнотою цитатъ, ясностью и вѣрностью моихъ сужденій и даромъ преподаванія. На заданную мнѣ тему изъ эстетики: о нѣжномъ и сентиментальномъ, я написалъ разсужденіе и читалъ оное въ классѣ въ присутствіи Мартынова, который пришелъ въ такой восторгъ, что тутъ же объявилъ при всѣхъ, что такого основательнаго и пріятнаго чтенія ему никогда не удавалось слышать; особенно нравились ему приведенные мною кстати примѣры изъ нашихъ поэтовъ: Державина, Дмитриева, но болѣе всего—переведенныя мною оды изъ Клопштока an Fanny и an Sidly».

Въ концѣ 1810 года студенты института готовились уже къ выпускному экзамену. Неимѣвшіе надежды выдержать удовлетворительно послѣднее испытаніе стали поступать на мѣста учителей въ уѣздныхъ училищахъ. Вдругъ Арсеньеву пришла въ голову мысль проситься въ уѣздные учителя въ Нарву. По его объясненію, причинами къ тому были: во первыхъ, скука студенческой жизни; во вторыхъ «безразсудное», какъ выразился онъ самъ, желаніе научиться поскорѣе говорить по нѣмецки. Однако конференція института отказала въ этой просьбѣ, и въ декабрѣ того же года Арсеньевъ стоялъ въ числѣ четырехъ лучшихъ студентовъ, которыхъ назначено было отправить за границу. «Это назначеніе считалъ я, говоритъ Арсеньевъ, верховъ благополучія; въ душѣ моей благословлялъ Бога за осуществленіе любимой мечты моей, съ которою я безмолвно носился въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ!»... Но частыя въ тѣ времена перемѣны во всемъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ предположенія предмѣстниковъ и всѣ ихъ начинанія каждый новый министръ долгомъ считалъ представлять не только никуда негодными, но даже и вредными; также финансовыя затрудненія тогдашней Россіи; наконецъ всеобщая въ Европѣ тревога отъ честолюбивыхъ замысловъ Наполеона—все это вмѣстѣ произвело то, что мечты Арсеньева о заграничномъ путешествіи не осуществились. Въ юношескомъ увлеченіи, онъ тогда всю бѣду сваливалъ на Наполеона и, по собственному признанію въ запискахъ, ненавидѣлъ отъ всей души повелителя Франціи.

II.

Арсеньевъ — преподаватель педагогическаго института. Пребываніе съ институтомъ въ Петрозаводскѣ. Первая ученая работы. Любовь къ нему студентовъ. Пансіонъ Муральга.

Въ концѣ 1811 года, Арсеньевъ, преподававшій по окончаніи курса въ институтѣ латинскій языкъ и географію, утверждёнъ былъ тамъ преподавателемъ по послѣдней наукѣ въ помощь профессору Зябловскому; кромѣ того онъ давалъ уроки въ нѣкоторыхъ казенныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ. Въ это время Арсеньевъ навлекъ на себя личное неудовольствіе Зябловскаго отказомъ отъ женитьбы на его родственницѣ, къ которой не имѣлъ ни малѣйшей склонности, — неудовольствіе, которое для Арсеньева имѣло очень неблагоприятныя послѣдствія нѣсколько времени спустя, именно когда разыгралась извѣстная исторія въ петербургскомъ университетѣ и когда Зябловскому поручены были обязанности ректора ¹⁾. Но, потерявъ благоволеніе Зябловскаго, Арсеньевъ почти въ то же время обратилъ на себя вниманіе профессора Германа, который предложилъ ему заниматься статистическими работами въ тогдашнемъ министерствѣ полиціи, гдѣ было учреждено статистическое отдѣленіе при департаментѣ полиціи исполнительной. Въ запискахъ Арсеньева занесено, что «министръ полиціи, генераль-адъютантъ Балашевъ обращалъ особенное вниманіе на эту часть управленія, имъ созданную; самъ разсматривалъ всѣ проекты статистическихъ работъ и своимъ личнымъ участіемъ возбудилъ любовь и рвеніе къ новой службѣ во всѣхъ чиновникахъ. Столь счастливое начало обѣщало много надеждъ въ будущемъ, но сіи надежды не осуществились. Въ слѣдствіе великихъ политическихъ событій 1812 года, Балашевъ, высочайшею волею отозванный къ другимъ дѣламъ, оставилъ и министерство, и столицу. Вязмитиновъ, принявшій послѣ

¹⁾ Это обстоятельство подтверждается въ Выдержкахъ изъ записокъ Н. Греча (Русскій архивъ, изд. г. Бартеневымъ, 1871 г., № 6, стр. 0262): «К. И. Арсеньевъ, ученикъ Германа, человекъ благородный, честный и кроткій, подпалъ гнѣву начальства за то, что не согласился жениться на племянницѣ ректора Зябловскаго. Какой извергъ!»...

него управление министерствомъ полиціи, не давалъ особенной цѣны статистическимъ работамъ, и статистическое отдѣленіе много лѣтъ послѣ того существовало только именовъ однимъ»...

Вступленіе французовъ въ Россію и взятіе Москвы въ 1812 году были поводомъ къ заботамъ о безопасности и педагогическаго института. «Всѣ дѣвичьи учебныя заведенія, замѣчаетъ Арсеньевъ ¹⁾, оставались спокойно на мѣстахъ подъ охраненіемъ своей августѣйшей покровительницы, а студенты педагогическаго института, могшіе, въ случаѣ крайнемъ, всѣ вооружиться и идти на защиту отечества, снаряжались въ путь—обращали тылъ непріятелю. Тѣмъ страннѣе и постыднѣе оказалось послѣ отправленіе студентовъ, что оно послѣдовало 2 октября, въ тотъ самый день, когда непріатели принуждены были оставить Москву и начать позорное и убійственное бѣгство изъ предѣловъ русскаго царства».

«Для отправленія студентовъ наняты и снаряжены были два большія судна: на одномъ помѣщались директоръ съ своимъ семействомъ и всѣ студенты, а на другомъ нагружена была вся необходимая провизія для продовольствія... Мѣстомъ назначенія нашего былъ городъ Петрозаводскъ. Проѣхавши благополучно водами Невы и каналовъ Ладожскаго, Сяскаго и Свирскаго, мы, далеко не доѣзжая Онежскаго озера, остановлены были на Свири ранними сильными морозами. Рѣка покрылась льдомъ, и мы принуждены были высадиться на берегъ и расположиться въ деревнѣ Усланкѣ. Здѣсь жили мы около трехъ недѣль до половины ноября и жили неспрадно: въ курныхъ крестьянскихъ избахъ открыты были публичныя курсы наукъ. Самъ директоръ (Энгельгардтъ) давалъ лекціи французскаго языка; Сферинъ читалъ литературу и эстетику, а на меня возложено было преподаваніе исторіи, географіи и нѣмецкаго языка. Часто въ числѣ слушателей нашихъ были и мужики, которые, лежа на полатяхъ и спустивши свои бороды, прислушивались къ нашимъ толкамъ и, разумѣется, ничего не понимали. Чудомъ показалось имъ появленіе такихъ не-

¹⁾ Отрывокъ изъ записокъ его, касающійся пребыванія въ Петрозаводскѣ педагогическаго института, напечатанъ въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1866 г., № 7, стр. 123—124.

жданыхъ и премудрыхъ гостей. Впрочемъ, эти три недѣли провели мы довольно весело и пріятно—самая новость и странность нашего положенія намъ нравилась, и мы не скучали»...

Съ наступленіемъ зимняго пути, институтъ переѣхалъ въ Петрозаводскъ. Здѣсь Арсеньевъ, подъ руководствомъ начальника олонеккихъ горныхъ заводовъ Армстронга, занялся подробнымъ описаніемъ этихъ заводовъ въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Эта работа гораздо послѣ, именно въ 1830 году, напечатана въ «Трудахъ минералогическаго общества», томъ I, стр. 281 — 333, подъ заглавіемъ: «Описаніе олонеккихъ заводовъ съ самаго ихъ основанія до послѣднихъ временъ, съ краткимъ обзорѣніемъ олонеккой губерніи». Здѣсь собраны историческія извѣстія, которыя могутъ быть полезны и нынѣ по нѣкоторымъ любопытнымъ подробностямъ почерпнутымъ изъ рукописныхъ источниковъ.

Въ Петрозаводскѣ же, Арсеньевъ составилъ статистическій очеркъ олонеккой губерніи, представленный въ статистическое отдѣленіе министерства полиціи. Сверхъ того, по указанію Энгельгардта, Арсеньевъ перевелъ съ нѣмецкаго второй томъ сочиненія Тюммеля (Thümmel): *Reise in die mittäglichen Provinzen von Frankreich*».

Въ послѣднихъ числахъ января 1813 года получено было предписаніе о немедленномъ возвращеніи института въ Петербургъ, куда Арсеньевъ прибылъ 3 февраля того же года. Описаніе этого эпизода въ своихъ запискахъ онъ заканчиваетъ шутивными словами: «такъ совершился достопамятный, но отнюдь не достохвальный походъ нашъ не *противъ*, а отъ непріятели!»...

Въ Петербургѣ, Арсеньевъ, по совѣту Энгельгардта, написалъ диссертацию на полученіе званія адъюнкта, заключающую въ себѣ историческое изложеніе хода географическихъ открытій. Энгельгардтъ, прочитавъ, передалъ ее на судъ Крузенштерну, какъ знатоку дѣла. Тотъ одобрилъ диссертацию, и она была сообщена въ конференцію, гдѣ хотя и нашли ее также заслуживающею похвалы, но, вслѣдствіе внушеній Зябловскаго, было постановлено, что повышеніе Арсеньева въ адъюнкты признавалось еще ранновременнымъ. Рассказывая объ этомъ въ запискахъ, послѣдній прибавляетъ, что его не очень поразила эта неудача

и что ему было болѣе всего лестна и отрадна привязанность къ нему студентовъ, изъ которыхъ многіе посѣщали его. Въ числѣ ихъ онъ называетъ между прочимъ Плетнева и Оболенскаго. Что отношенія Арсеньева къ студентамъ были дѣйствительно таковы, какъ онъ описываетъ въ своихъ запискахъ, то это подтвердилъ покойный С. А. Соболевскій ¹⁾, бывшій въ благородномъ пансіонѣ при петербургскомъ педагогическомъ институтѣ въ 1818—21 годахъ. «Арсеньевъ, говоритъ онъ, училъ насъ географіи и статистикѣ. Всѣ мы, повѣсы страшные, его любили и уважали за ясное преподаваніе, за привѣтливое обращеніе и за отсутствіе долбязки, которой придерживались многіе другіе. Всѣхъ болѣе держалъ насъ въ респектѣ Раупахъ, который выгналъ изъ класса нашего въ низшій челоуѣкъ тридцать и оставилъ въ своемъ только пятерыхъ, изъ коихъ одинъ я, помнится, былъ не нѣмецъ. Его мы страшно боялись и уважали: пролетитъ муха въ классѣ — и ту слышно, хотя онъ въ теченіе трехъ лѣтъ никому не сдѣлалъ выговора. Таковы-то были серьезныя взгляды его изъ за золотыхъ очковъ! А. П. Куницына мы боялись менѣе, но уважали не менѣе; съ добрымъ Галичемъ мы дѣлали разные фарсы, и всегда дружественные; мы, такъ сказать, съ нимъ за одно дурачили начальство. Что же касается до Арсеньева, то мы любили его больше всѣхъ; уважали безъ боязни и интересовались его преподаваніемъ; особенно нравилась намъ его теорія статистики, излагаемая имъ *in extenso* по книжкѣ Германа»...

Какъ событіе примѣчательное въ своей жизни, Арсеньевъ занесъ въ автобіографію свое поступленіе въ 1815 году въ гувернеры и учителя въ пансіонъ пастора Муральта. «Этотъ пансіонъ, сказано въ запискахъ, пользовался тогда необыкновеннымъ уваженіемъ и предпочитаемъ былъ всѣмъ подобнымъ заведеніямъ. И точно, онъ вполнѣ былъ достоинъ своей славы по превосходному устройству и внѣшнему, и внутреннему, по отличной методѣ педагогической, по счастливому выбору наставниковъ и воспитателей, и по неуспынной дѣятельности, ловкости и благородному характеру содержателя. Пасторъ Муральтъ, ученикъ Песталоцци,

¹⁾ Въ письмѣ ко мнѣ, отъ 6 марта 1866 года.

привезъ въ Россію много новыхъ, свѣтлыхъ идей по предмету воспитанія юношества и счастливо осуществлялъ ихъ въ своемъ заведеніи. Оно помѣщалось тогда на Васильевскомъ островѣ, въ десятой линіи, въ бывшемъ домѣ Шумахера, гдѣ нынѣ патриотическій институтъ... Съ особеннымъ удовольствіемъ и съ чувствомъ искренней благодарности вспоминаю я время, проведенное мною въ заведеніи Муральта; здѣсь изучилъ я много полезнаго въ дѣлѣ обученія и воспитанія... Заведенію Муральта и похвальнымъ его обо мнѣ отзывамъ одолженъ я честію знакомства съ графомъ Е. К. Сиверсомъ. Объ этомъ знакомствѣ (1816 года), имѣвшемъ важное вліяніе на судьбу мою, я скажу нѣсколько словъ.

«Генераль-маіоръ графъ Сиверсъ, одинъ изъ дѣятелей на славномъ поприщѣ войнъ 1812 — 1814 годовъ, получилъ, по высочайшей волѣ, порученіе обозрѣть извѣстнѣйшія учебныя заведенія Англіи, Франціи, Швейцаріи и Германіи и внимательно изучить системы Беля, Ланкастера Песталоцци и Фелленберга. По возвращеніи изъ за-границы, онъ желалъ богатый запасъ наблюденій своихъ приложить практически на пользу русскихъ учебныхъ заведеній. Какъ генералу инженернаго вѣдомства, ему поручено было преобразовать или учредить вновь инженерное училище, сообразно современнымъ потребностямъ и устроить его такъ, чтобы оно достойно было августѣйшаго вниманія и покровительства одного изъ царскихъ братьевъ. Великій князь Николай Павловичъ наименованъ былъ тогда (въ 1817 году) генераль-инспекторомъ по инженерной части. Графъ Сиверсъ, приготовляя новый уставъ для новаго заведенія и стараясь достойно выполнить высокое порученіе, на него возложенное, озабоченъ былъ выборомъ достойныхъ преподавателей. Нѣкоторые уже были назначены; по особливому случаю, для меня счастливому, онъ остановилъ между прочимъ свое вниманіе и на мнѣ. Графъ зналъ и уважалъ Муральта, и слышалъ много похвалъ о его заведеніи. Онъ испросилъ позволеніе внимательно разсмотрѣть весь порядокъ и устройство его. Цѣлый день провелъ онъ въ пансіонѣ, слушалъ всѣ лекціи и долго сидѣлъ въ моемъ классѣ. Моя метода преподаванія русскаго языка иностраннымъ¹⁾ дѣтямъ, ему попра-

¹⁾ Въ пансіонѣ Муральта воспитывались по бѣльшей части дѣти иностранныхъ негоціантовъ и знатныхъ дворянъ остъзейскаго края.

вилась. Тутъ же предложилъ онъ мнѣ преподавать русскій языкъ и словесность кондукторамъ. Благодаря графа за лестное для меня предложеніе его, я отзывался, что охотнѣе принялъ бы преподаваніе исторіи и географіи—это главная часть моя въ педагогическомъ институтѣ, гдѣ я состою на службѣ. — А развѣ вы равно сильно и въ исторіи, какъ въ русскомъ языкѣ? Ну тѣмъ лучше—я очень радъ. Такъ вы нашъ, сказалъ графъ? Я сегодня, продолжалъ онъ, нашелъ то, чего не искалъ».

Послѣ отъѣзда изъ Костромы, Арсеньевъ постоянно поддерживалъ переписку съ отцемъ и матерью, и письма его до нынѣ сохраняются въ семействѣ покойнаго. Всѣ они носятъ характеръ чисто семейный и, по содержанію своему, не отличаются отъ подобной переписки каждаго человѣка, живущаго вдали отъ родныхъ въ совершенно другой сферѣ, поглощеннаго совершенно иными интересами. Въ письмахъ Арсеньевъ является почтительнымъ сыномъ, и эта черта не изгладилась въ немъ и потомъ, послѣ полученія разныхъ повышеній, которыя, какъ бываютъ примѣры въ особенности между вышедшими изъ духовнаго званія, часто заставляютъ иныхъ стыдиться своихъ родственниковъ, бѣдныхъ и незнатныхъ. При всемъ уваженіи своемъ къ отцу, Арсеньевъ, когда дѣло доходило до его убѣжденій, позволялъ однако себѣ дѣлать возраженія. Такъ въ письмѣ 12 апрѣля 1814 года, онъ говорилъ отцу: «вы писали мнѣ, не могу ли купить нѣсколько семей, какъ на примѣръ Михайла Лазарева и прочихъ. Подумайте, не затѣя-ли это? Признаюсь, я не ожидалъ отъ васъ такого предложенія. Ежели когданибудь Всевышнему угодно будетъ наградить меня богатствомъ, большими чинами и прочимъ, то и тогда не буду имѣть я той мысли, чтобы владѣть подобными себѣ людьми. Изъ богатства, изъ денегъ можно сдѣлать гораздо благороднѣйшее и полезнѣйшее для себя употребленіе. Что я буду баринъ съ душами, безъ доброй самъ души? Что въ томъ пользы?»...

III.

Географическіе учебники въ старину. Всеобщая географія Арсеньева и критики противъ нея. Состояніе статистики въ Россіи. Шлецеръ и Карлъ Германъ. Начертаніе статистики Россіи Арсеньева. Журнальныя нападки на него.

4 сентября 1817 года, Арсеньевъ былъ, наконецъ, утвержденъ въ званіи и должности адъюнкта по части географіи и статистики, и это повышеніе возбудило въ немъ желаніе показать себя достойнымъ полученнаго имъ повышенія. Все досужее время онъ сталъ употреблять на кабинетныя занятія, плодомъ которыхъ въ 1818 году явились: «Краткая всеобщая географія» и первая часть «Начертанія статистики російскаго государства»; вторая часть послѣдней напечатана въ 1819 году ¹⁾.

Что касается «Краткой всеобщей географіи» Арсеньева, то этотъ учебникъ, выдержавшій двадцать изданій и бывший въ употребленіи бѣльшей части учебныхъ заведеній въ теченіе почти тридцати лѣтъ, теперь замѣненъ уже другими, признанными болѣе соответствующими современными требованіямъ науки географіи и педагогіи, а потому говорить о руководствѣ Арсеньева въ настоящее время возможно только по отношенію къ тому, что было сдѣлано у насъ по части географическихъ учебниковъ до него.

Во второй половинѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій всѣ подобныя учебники страдали двумя главными недостатками: или въ нихъ помѣщалось множество самыхъ разнородныхъ и мало относящихся къ географіи свѣдѣній изъ астрономіи, физики, ботаники, исторіи, статистики, политической экономіи, при чемъ, конечно, нельзя было избѣгнуть неясности, отрывочности и сбивчивости; или же, напротивъ, учебникъ представлялъ ни болѣе, ни менѣе, какъ длиннѣшій перечень собственныхъ

¹⁾ Въ 1818 же году вышла въ свѣтъ брошюра Арсеньева «Обозрѣніе физическаго состоянія Россіи съ примѣненіемъ къ выгодамъ, отъ того происходящимъ для нынѣ существующихъ народныхъ промысловъ», Спб., въ 8^о, 50, стр. Это отрывокъ изъ «Начертанія статистики», о чемъ см. «Духъ Журналовъ» 1819 г., часть XXXII, кн. 3, стр. 34, 35.

именъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, которыя должны знакомить ученика съ содержаніемъ и цѣлью географіи. Къ разряду первыхъ учебниковъ слѣдуетъ отнести «Политическую географію, сочиненную въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ»¹⁾. Въ четырехъ вышедшихъ томахъ ея изложена географія только пяти государствъ: Испаніи, Португаліи, Великобританіи, Франціи и Нидерландовъ. Здѣсь перечислялись всѣ замѣчательные и даже вовсе незамѣчательные города, мѣстечки, а иногда просто урочища каждой провинціи названныхъ государствъ; пространно и вмѣстѣ съ тѣмъ безтолково разсуждалось о нравахъ и склонностяхъ жителей; перечислялись установленные въ государствахъ ордена и знаки отличія; сообщались цѣлыя родословія царствующихъ домовъ.

«Всеобщее землеописаніе, изданное для народныхъ училищъ», явившееся въ первый разъ въ 1788 г., кажется, имѣло въ виду избѣгнуть лишнихъ разглагольствій, но отъ этого вышло, что всѣ предварительныя свѣдѣнія о географіи умѣщены на четырехъ страницахъ и притомъ изложены чрезвычайно темно, а за тѣмъ слѣдуютъ безконечно длинные ряды собственныхъ именъ, прерывающихся въ извѣстныхъ параграфахъ извѣстіями въ родѣ такихъ: «Пруссія имѣетъ довольно мужей, отличившихся во всякомъ родѣ наукъ и художествъ»... Или: «Швеція произвела много мужей, прославившихся въ физикѣ, естественной исторіи, въ наукѣ о домоводствѣ, въ испытаніи древностей, въ исторіи и географіи»... Или: «датчане во всѣхъ наукахъ и художествахъ нарочиты»... Или: «въ Германіи всѣ части наукъ распространены учеными мужами успѣшно» и т. д.

«Описаніе всѣхъ частей свѣта» есть учебникъ, изданный главнымъ правленіемъ училищъ въ 1806 году. Замѣтно, что составитель его старался болѣе объ общихъ понятіяхъ, чѣмъ о частностяхъ. Въ Описаніи нѣтъ длинной вереницы собственныхъ именъ, но за то много разсужденій о нравахъ жителей, естественныхъ произведеніяхъ, образѣ правленій и пр. Про-

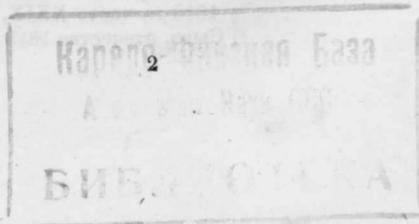
¹⁾ Первая часть ея вышла въ 1752 г.; вторая — въ 1761 г.; третья — въ 1765 г. и, наконецъ, четвертая — въ 1772 году. Въ послѣдней части сочинителемъ этого учебника названъ прокуроръ суднаго приказа Сергій Ѳеодоровичъ Наковальнинъ, который умеръ, не успѣвъ окончить своего труда.

странное введеніе, въ которомъ изложены общія понятія о математической, физической и политической географіяхъ, написано довольно темно и притомъ изобилуетъ общими мѣстами, нисколько неполезными, но только даромъ отягощавшими память учениковъ. До появленія учебника Арсеньева, были также въ употребленіи и пользовались въ свое время нѣкоторою извѣстностью: Кряжева «Новѣйшее и подробное землеописаніе всѣхъ частей свѣта» и Меморскаго «Новѣйшая и пространная географія», которыя однако не отличались особенными достоинствами отъ сейчасъ описанныхъ. Въ послѣдній разъ всѣ приемы нашихъ старинныхъ географическихъ учебниковъ и притомъ въ небывалыхъ до того размѣрахъ были примѣнены почтеннымъ трудолюбцомъ Зябловскимъ въ его увѣсистыхъ четырехъ томахъ «Курса всеобщей географіи по нынѣшнему политическому раздѣленію». Этотъ курсъ, по словамъ автора его, составлялъ только еще сокращеніе изъ лекцій, читанныхъ имъ студентамъ главнаго педагогическаго института.

«Краткая всеобщая географія» Арсеньева, по словамъ его въ запискахъ, доставила ему «блестящую извѣстность». Современные журналы «Сынъ отечества» и «Русскій инвалидъ» встрѣтили его книгу большими похвалами. Такъ въ первомъ изъ нихъ ¹⁾ было сказано: «мы смѣло можемъ совѣтовать родителямъ и наставникамъ руководствоваться ею при преподаваніи географіи. Г. Арсеньевъ не повторяетъ рабски сказаннаго прежними писателями о сей наукѣ; онъ ищетъ путей легчайшихъ и удобнѣйшихъ для начертанія въ умѣ и памяти дѣтей многообразныхъ свѣдѣній географическихъ»... Одинъ книгопродавецъ, нѣкто Воробьевъ, желая зарекомендовать книгу, напечаталъ въ «Петербургскихъ вѣдомостяхъ» ²⁾ такое объявленіе: «я по сіе время, до тридцати семилѣтняго моего возраста, несчетно многократно предпринималъ читать разныя географическія книги, дабы въ какомъ либо основательномъ описаніи почерпнуть хотя небольшія познанія о земномъ шарѣ, хотя о раздѣленіи Европы, или хотя о мѣстоположеніяхъ и городахъ въ Россіи; но, мало понимая, покидалъ книгу.

¹⁾ Сынъ отечества 1818 г., № 24, стр. 197.

²⁾ С. Петербургскія вѣдомости 1818 г., № 47.

Но вотъ новая географія, которая, при первомъ полученіи въ руки, прочитана мною сначала до конца съ величайшимъ удовольствіемъ и пріятностью, а къ вѣщшему удивленію математическая географія, всегда казавшаяся мнѣ непонятною, такъ легко и убѣдительно изложена, что не содержитъ для меня ничего сомнительнаго»...

Кромѣ безусловныхъ и неловкихъ хвалителей, нашлись однако и строгіе судьи, которые рѣшительно все подряд охуждали въ Географіи Арсеньева. Въ «Духѣ журналовъ»¹⁾ помѣщены были «Замѣчанія на книгу: Краткая всеобщая географія» и пр., и здѣсь особенно усердно указаны были всѣ промахи, недосмотры и даже опечатки новаго учебника. Между прочимъ, сдѣланъ былъ упрекъ автору, что объ Аррасѣ онъ замѣтилъ, что оно есть «мѣсторожденіе ужаснаго Робеспьера»: «Странный вкусъ издателя, сказано въ рецензій! Сколько мѣстъ во Франціи прославилось своими Робеспьерами! Такія достопамятности ничему не учать. Мѣсторожденіе и мѣсто смерти примѣчательны тѣхъ людей, которые учинились незабвенными по своимъ полезнымъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ, благодѣтельнымъ учрежденіямъ, подвигамъ, подъятымъ на защиту отечества и проч. Мы такъ судимъ по своему вкусу!»...

Арсеньевъ, въ отвѣтъ на эту критику²⁾, сознавая нѣкоторыя погрѣшности и промахи своей книги, приводилъ себя въ оправданіе, что руководство имъ составлено по порученію начальства, послѣдовавшему въ февралѣ 1818 г.; что въ маѣ того же года книга началась печатаніемъ, а въ слѣдующемъ іюнѣ уже кончена: «поспѣшность въ составленіи сего руководства есть одно извиненіе издателя, хотя конечно недостаточное. Что же дѣлать? кто безъ грѣха?» Намеки о Робеспьерѣ Арсеньевъ не могъ оставить безъ возраженія, такъ-какъ это было сдѣлано уже во вторую половину царствованія Александра I, когда начались преслѣдованія за сочувствіе къ идеямъ, волновавшимъ тогда умы въ Европѣ. «Исторія, а вмѣстѣ и географія, писалъ Арсеньевъ, отличаютъ не только мужей, незабвенныхъ по своимъ полезнымъ

1) 1818 г., часть XXIX, стр. 20—58.

2) Сынъ отечества 1818 г., часть 48, №№ 37 и 38, стр. 227—233, 270—280.

открытіямъ, изобрѣтеніямъ и подвигамъ, подъятымъ на защиту отечества, но, хотя и съ прискорбіемъ, замѣчаютъ тирановъ и рушителей всеобщаго блага. «Такія достопамятности ничему не учать», прибавляетъ рецензентъ. Нѣтъ, учать гнушаться злодѣями, проклинать имя ихъ, и стараться быть добрыми. Исторія, описывая одно доброе и прекрасное, была бы свѣтъ безъ тѣни, картина безъ оригинала. Издатель замѣтилъ о Робеспіерѣ не по вкусу (избави Богъ имѣть вкусъ къ Робеспіеру!), а по долгу наставника, обязаннаго все замѣчать, хотя и не всегда все замѣчающаго»...

Объявленія Арсеньева вызвали въ «Духъ журналовъ»¹⁾ новую статью другаго рецензента, написанную еще болѣе въ рѣзкомъ тонѣ и даже съ ожесточеніемъ. И теперь примѣтитъ легко, что въ главную вину автору «Всеобщей географіи» ставилось то, что онъ осмѣлился раздѣлить Россію на десять пространствъ, тогда какъ профессоръ Зябловскій дѣлил ее въ своемъ руководствѣ на четыре полосы. Для показанія неосновательности дѣленія Арсеньева, новый критикъ приводитъ такой примѣръ: «представимъ себѣ, что ученикъ г. профессора Зябловскаго и другой г. адъюнкта Арсеньева будутъ вмѣстѣ экзаменованы въ російской географіи: Вопр. Какъ раздѣляется Россія вообще? Первый ученикъ. Россія раздѣляется на четыре полосы. Второй ученикъ. Не правда! Россія раздѣляется на десять пространствъ. Естественно, что послѣ сего могутъ начаться весьма непріятные споры между самими профессорами: ибо сомнительно, чтобы г. профессоръ Зябловскій принялъ раздѣленіе г. адъюнкта Арсеньева; а сей, по словамъ «Сына отечества», стыдятся повторять рабски сказанное прежними писателями, и даже своими учителями, не захочетъ уступить. Что-жъ при такомъ спорѣ подумаютъ учащіеся?... Размыслилъ-ли «Сынъ отечества», написавши такую похвалу сочинителю, что она оскорбительна предшественникамъ и учителямъ его въ сей наукѣ; изъ коихъ нѣкоторые еще въ живыхъ и пользуются достойно заслуженнымъ уваженіемъ публики?»...

Подобныя выходки невольно наводятъ на догадку, не писа-

¹⁾ 1818 г., часть XXX, октябрь, стр. 66—98.

лась ли критика на Арсеньева въ слѣдствіе оскорбленнаго самолюбія наставника противъ бывшаго своего ученика, а не въ видахъ пользы науки?

Извѣстно, что честь первой попытки ввести въ Россію научные приемы для обработки статистики принадлежитъ Августу Людвигу Шлёцеру, бывшему въ первые годы царствованія Екатерины II членомъ нашей Академіи наукъ. По его словамъ, въ то время было золотое время для всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ проектовъ, и все мечтало и толковало о преобразованіяхъ. Лѣтомъ 1763 года Бецкій представилъ свой планъ объ учрежденіи въ Москвѣ воспитательнаго дома. Императрица передала этотъ планъ совѣтнику академической канцеляріи Тауберту, который совѣщался о немъ съ Шлёцеромъ. При этомъ случаѣ у нихъ зашла рѣчь о народонаселеніи Россіи — предметъ, чрезвычайно занимавшій тогда императрицу. Шлёцеръ утверждалъ, что вопросъ о воспитательныхъ домахъ неудобомыслимъ, безъ таблицъ (Tabell Werk) о народонаселеніи. «Таблицъ о народонаселеніи? Кто зналъ въ Россіи, восклицаетъ Шлёцеръ, такое постановленіе, его названіе и сущность? Но мнѣ онѣ были извѣстны очень хорошо со времени пребыванія моего въ Швеціи. Тамъ я изучалъ ихъ въ источникахъ у Варгентина, который досталъ мнѣ для того образцы, и обо всемъ учрежденіи я упоминалъ вкратцѣ въ моей *Geschichte der Gelehrsamkeit in Schweden* 1)»... Тауберту понравилась мысль Шлёцера, и онъ въ концѣ 1763 года поручилъ ему составить образецъ, по которому бы русскіе священники могли сочинять таблицы о движеніи народонаселенія по своимъ приходамъ. 11 февраля 1764 года эти образцы, по именному указу, были введены, въ видѣ опыта, по петербургской губерніи. Первая обработка ихъ была обнародована Шлёцеромъ въ 1768 году, въ книгѣ о народонаселеніи Россіи 2); потомъ этимъ предметомъ занимались наши академики Вольфгангъ-Людвикъ Крафтъ (род. 1743 † 1814 г.) и Бенуа Франсуа-Германъ († 1815 г.).

1) A. L. Schlözer's öffentliches und privat Leben, von ihm selbst beschrieben, Göttingen, 1802, S. 142.

2) Ibid. S. S. 149—151, 156.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I, въ Академіи наукъ учреждена особая каѳедра для статистики и первымъ адъюнктомъ по этой наукѣ былъ Карлъ Германъ. Какъ немного было сдѣлано до него въ Россіи по части статистики, можно судить по тому, что кромѣ отрывочныхъ статей помянутыхъ выше академикомъ, Карлъ Германъ въ 1806 году, при перечисленіи статистическихъ сочиненій, изданныхъ въ разныхъ европейскихъ государствахъ, указалъ на одно только русское¹⁾.

Карлъ Германъ былъ убѣжденъ, что для процвѣтанія статистики въ Россіи, необходимо специальное изданіе, и вотъ въ 1806 году онъ приступилъ къ изданію «Статистическаго журнала», котораго вышло четыре тома. Здѣсь издатель высказывалъ сильную увѣренность въ успѣхахъ своей науки именно съ того времени, когда стала исчезать «политическая таинственность»: «она, говоритъ Германъ²⁾ изгнана въ Европѣ изъ Англіи, Россіи и Пруссіи. Изъ Англіи — конституціею; изъ Россіи и Пруссіи — мудростію монарховъ. Сія важная перемѣна въ достопамятностяхъ столѣтія сдѣлалась въ послѣднихъ государствахъ весьма недавно. Въ Россіи министръ внутреннихъ дѣлъ выдаетъ ежегодно свои доклады, и въ его департаментѣ издается журналъ, подъ заглавіемъ санктпетербургскій; министръ коммерціи выдаетъ записки касательно торговли и коммерческія вѣдомости; министръ просвѣщенія — акты департаментовъ, находящихся подъ его вѣдѣніемъ; министръ морскихъ силъ — морской календарь и адмиралтейской журналъ. Съ чрезвычайною благосклонностію сообщаютъ министры ученымъ свои бумаги — сей

¹⁾ «Въ Россіи, говоритъ Карлъ Германъ въ «Статистическомъ журналѣ» 1806 г., томъ I, стр. 17, также 33—34, вышло 1795 года «Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе, статистически, какъ никогда не бывало», въ Петербургѣ «обществомъ ученыхъ» изд. Ив. Глазуновымъ. Книга сія, которая заключаетъ въ себѣ много хорошаго о старой руссійской статистикѣ, была запрещена и, какъ можно заключить изъ вырѣзанныхъ листовъ, за нѣкоторыя мнѣнія о древней руссійской исторіи и новѣйшей французской революціи, а по сему самому книга сія теперь рѣдка».... Замѣтимъ ксати для библиографовъ, что въ концѣ V тома «Землеописанія», на стр. 67 есть извѣстіе, что въ сочиненіи этомъ «наиболѣе потрудился» секретарь адмиралтейской коллегіи маіорскаго чина Николай Дмитриевичъ Жулковскій; но Сошиковъ въ своемъ «Опытѣ библиографіи», томъ III, № 4252, называетъ авторомъ «Землеописанія» Михаила Антоновскаго.

²⁾ Статистическій журналъ, томъ I, стр. 85, 86.

журналь (т. е. статистическій) служить тому доказательствомъ. Въ предисловіяхъ къ запискамъ касательно торговли говоритъ министръ коммерціи, что записки сіи выдаются по высочайшему приказанію его императорскаго величества. Какія тайны можетъ имѣть отецъ отъ своихъ дѣтей?» . . .

Карль Германъ оказалъ статистикѣ Россіи большія услуги тѣмъ, что старался всѣмъ своимъ изслѣдованіямъ придавать строгій научный характеръ и отдѣлять статистику, какъ науку политическую, отъ смѣшиваемыхъ съ нею географіи и топографіи. Въ особенности должны остаться памятными статистическіе труды Германа и его заботы по этой части въ министерствахъ полиціи и внутреннихъ дѣлъ, гдѣ бывшій министръ А. Д. Балашевъ много пользовался знаніями и свѣтлымъ взглядомъ на науку академика¹⁾.

Профессоръ Зябловскій долженъ также занять не послѣднее мѣсто въ литературѣ этой науки, какъ неутомимый и добросовѣстный собиратель статистическихъ матеріаловъ въ тѣ времена, когда и новость предмета, и обширность задачи неминуемо представляли великія затрудненія къ осуществленію ея. Его «Статистическое описаніе російской имперіи», вышедшее въ первый разъ въ 1808 году, а потомъ исправленное и дополненное — въ 1815 году, безспорно составляетъ замѣчательный для своего времени сборникъ матеріаловъ, правда сырыхъ и необработанныхъ, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Значеніе Зябловскаго, какъ ученаго, довольно мѣтко определено въ немногихъ словахъ бывшаго его слушателя, а потомъ нашего сочлена, покойнаго П. А. Плетнева: «профессоръ Зябловскій, говоритъ онъ, не внесъ въ науку ни новыхъ началъ, ни новыхъ идей. Онъ только былъ охранителемъ истинъ, принятыхъ имъ въ молодости. Ему не нравились высшіе взгляды на значеніе фактовъ и вообще данныхъ. За то не пренебрегалъ онъ порядкомъ, полнотою и точностью въ изображеніи явленій²⁾» . . .

Таково было положеніе статистической литературы въ Рос-

¹⁾ Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Варадинова, часть II, книга 2, стр. 303—328, 337—351.

²⁾ Отчетъ о петербургскомъ университетѣ за 1847 годъ, стр. 17.

сіи, когда Арсеньевъ издалъ свое «Начертаніе статистики россійскаго государства» съ эпиграфомъ: «Dans les sciences nouvelles la médiocrité même est utile ¹⁾». Въ предисловіи было объяснено, что «на русскомъ языкѣ нѣтъ еще статистики, расположенной по правиламъ теоріи», и что «въ расположеніи предметовъ, входящихъ въ составъ сей науки, я слѣдовалъ теоріи статистики г. профессора Германа, бывшаго моего наставника по сей части»...

«Русскій инвалидъ» и «Сынъ отечества» встрѣтили новыи трудъ Арсеньева похвалами. Въ послѣднемъ ²⁾ между прочимъ читаемъ: «у насъ нѣтъ еще статистики россійскаго государства, изложенной на основаніяхъ и правилахъ хорошей теоріи. Начертаніе же г. Арсеньева расположено и написано по превосходной теоріи г. профессора Германа... У насъ смѣшиваютъ статистику съ географіею, но между сими двумя науками есть великая разность» и т. д.

«Духъ журналовъ», напротивъ, не оставилъ безъ нападокъ «Начертанія статистики». «Не скроемъ, сказано тамъ ³⁾, что первыя слова автора сильно возмутили насъ. На русскомъ языкѣ нѣтъ еще статистики, расположенной по правиламъ теоріи... Нѣтъ ничего несноснѣе самохвальства въ начинающемъ писателѣ! Сочинителю не безызвѣстна Статистика Россійской имперіи г. профессора Зябловскаго. Стало быть, по мнѣнію его, она написана не по правиламъ теоріи?... Разныя статистики слѣдуютъ разнымъ системамъ. Та, которою руководствовался г. Зябловскій въ своей Статистикѣ Россійской имперіи, есть система г. Мейзеля, одного изъ лучшихъ статистиковъ въ Германіи»... За тѣмъ слѣдуютъ указанія до мельчайшихъ подробностей ошибокъ и промаховъ; причемъ не забыты намеки, напоминающіе

¹⁾ Въ бумагахъ Арсеньева уцѣлѣла записка бывшаго въ 1818 г. попечителемъ петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварова къ цензору, который разсматривалъ трудъ Арсеньева, Ив. Осиповичу Тимковскому: «адъюнктъ профессоръ Арсеньевъ читалъ мнѣ мѣсто изъ своей статистики. Я соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Просилъ его онія смягчить и именно не называть меня. Впрочемъ цѣль его благоразумна и благородна. Вы меня одолжите, оказавъ ему пособіе.»

²⁾ Сынъ отечества, часть 49, № LXII, стр. 175—177.

³⁾ Духъ журналовъ, 1819 г. часть XXXII, кн. 3, стр. 18—19.

упрекъ, сдѣланный при разборѣ географіи Арсеньева относительно Робеспьера. Арсеньевъ, на стр. 102, говорилъ, что «весь классъ непродуващій, въ политико-экономическомъ отношеніи совершенно ничтоженъ: онъ есть тягостное бремя для государства». Рецензентъ возражаетъ: «къ непродувающему классу причисляетъ сочинитель дворянство, духовенство, гражданскихъ и военныхъ чиновъ, войско сухопутное и прочихъ. И такъ — духовенство, молитвами своими низводящее свыше благословеніе на нивы, и поученіями своими назидующее земледѣльца въ добронравіи, трезвости и трудолюбіи; дворянство, своимъ надзоромъ и попеченіемъ руководствующее и направляющее трудъ земледѣльца; судія, защищающій его отъ обидъ и притѣсненій; гражданскіе и военные чины, обороняющіе безопасность его и спокойствіе; воинство, грудію своею оберегающее его отъ меча вражескаго и имущество его отъ опустошенія непріятельскаго: всѣ сіи почтенныя сословія суть тяжкое бремя для государства!»...

На этотъ разъ защитникомъ Арсеньева явился критикъ, не подписавшійся подъ своими статьями и обозначившій только мѣсто своего жительства — «Царское село.»¹⁾ Прежде всего, онъ пространно разсуждаетъ о г. Зябловскомъ и тѣмъ даетъ понять, что именно ему, а не кому другому онъ отвѣчаетъ на критику въ «Духѣ Журналовъ». «Мы смѣло скажемъ, говоритъ защитникъ Арсеньева, что ежели не превосходимъ, то по крайней мѣрѣ равняемся съ г. рецензентомъ въ уваженіи къ полезнымъ трудамъ г. профессора Зябловскаго; но скажемъ также, что Статистическое описаніе Россійской имперіи г. Зябловскаго не есть статика и не можетъ никакъ служить образцомъ для будущихъ работъ по сей части. Во первыхъ замѣтимъ мимоходомъ, что Мейзель никогда не писалъ теоріи статистики, слѣдовательно нельзя располагать матерій статистическихъ по такой теоріи, которая никогда не существовала... Г. профессоръ Зябловскій назвалъ свою книгу не статистикою, а Статистическимъ описаніемъ; можетъ быть, при семъ онъ имѣлъ въ виду, что, книга его не есть дѣйствительно статистика, разсматриваемая какъ наука,

¹⁾ Сынъ отечества 1819 г., часть 52, №№ 10 и 11, стр. 161 — 177, 210 — 222; часть 53, № 13, стр. 16 — 36.

именно потому что ей недостаетъ основательной теоріи, а сей недостатокъ есть причиною существенныхъ ошибокъ въ планѣ. Какъ можно, на примѣръ, различить двѣ по натурѣ своей другъ съ другомъ соединенныя статьи: народонаселеніе и народное богатство? Не есть ли народонаселеніе одинъ изъ источниковъ народнаго богатства, и не дѣйствуетъ ли опять народное богатство на успѣхи народонаселенія?» . . .

Новыя возраженія въ «Духѣ журналовъ»¹⁾ главнѣйше заключались въ томъ, что Арсеньевъ, по мнѣнію рецензента, виновенъ въ умолчаніи заимствованій изъ труда Зябловскаго... «г. Арсеньевъ, помѣщая цѣлыя статьи въ своемъ Начертаніи статистики, занятыя изъ Статистическаго описанія г. профессора Зябловскаго, нигдѣ, кромѣ общаго обозрѣнія извѣстныхъ ему трудовъ по російской статистикѣ, не ссылается на оное. Эта услуга для г. Арсеньева должна быть важнѣе теоріи. Если уже по частямъ собраны матеріалы и обработаны статистически, то нетрудно расположить ихъ по наилучшей теоріи. Съ какимъ же трудомъ сопряжена первая работа — это можетъ быть извѣстно только однимъ занимающимся симъ дѣломъ. Отъ сей-то причины, несмотря, что теорія Шлёдера и г. Германа существуютъ нѣсколько лѣтъ, много ли у насъ издано статистическихъ сочиненій? И такъ, если г. Арсеньевъ за одну теорію благодаренъ г. Герману, то тѣмъ паче обязанъ г. профессору Зябловскому за готовые матеріалы... Все, что есть въ книгѣ г. Арсеньева хорошаго, г. Арсеньевъ заимствовалъ изъ Статистическаго обозрѣнія Россіи профессора Зябловскаго, и только одѣлъ за ново и расположилъ въ другомъ порядкѣ. Сіе до такой степени справедливо, что онъ даже всѣ свои показанія оканчиваетъ тѣмъ же 1814-мъ годомъ, которымъ и г. профессоръ Зябловскій окончилъ оныя въ своемъ Статистическомъ обозрѣніи. Но сіе послѣднее сочиненіе вышло въ свѣтъ въ 1815 году, почему авторъ онаго и не могъ вести далѣе своихъ изысканій; твореніе же г. Арсеньева появилось уже въ 1818 году. Для чего же бы ему не потрудиться познакомить читателей съ состояніемъ Россіи въ послѣдніе годы? Правда, это

¹⁾ 1819 года, часть XXXIV, книга 9, стр. 81—104 и книга 11, стр. 106—160.

дѣло не легкое, а чужимъ трудомъ заимствоваться несравненно легче!»...

Эти упреки, при всей односторонности своей и несмотря на преувеличенія, до нѣкоторой степени нельзя не признать справедливыми въ томъ отношеніи, что въ «Начертаніи статистики российской имперіи» фактическая сторона дѣйствительно не отличается самостоятельностью разработки. Заслуга Арсеньева состоитъ въ приведеніи въ систематическое цѣлое извѣстныхъ матеріаловъ, собранныхъ до него. Еще важнѣе то, что въ трудѣ Арсеньева отразились взгляды и убѣжденія передовыхъ людей первой половины царствованія императора Александра I, и съ этой стороны «Начертаніе статистики» и въ настоящее время чрезвычайно любопытно для изслѣдователя, занимающагося изученіемъ умственного развитія русскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Я съ намѣреніемъ изложилъ всѣ главнѣйшіе доводы за и противъ Арсеньева при журнальной оцѣнкѣ его сочиненія, потому что все это не ограничилось одною журнальною сферою, но продолжалось потомъ, только уже въ формѣ уголовного процесса съ прибавленіемъ обвиненій не въ недостаткѣ ученой основательности, а въ преступленіяхъ противъ вѣры и правительства.

IV.

Арсеньевъ дѣлается извѣстнымъ великому князю Николаю Павловичу. Массонская ложа избраннаго Михаила. Руничъ и обвиненіе Арсеньева въ вольнодумствѣ.

Въ 1819 году, Арсеньевъ получалъ по разнымъ должностямъ около 6 тысячъ рублей—сумму по тому времени довольно значительную. «Обезпеченный въ настоящемъ, я, говоритъ онъ въ своей автобіографіи, могъ съ увѣренностью надѣяться счастливой будущности тѣмъ болѣе, что неожиданно, случайно удостоился рѣдкаго счастья обратить на себя личное вниманіе августѣйшаго начальника. Великій князь Николай Павловичъ внезапно, безъ всякаго сопровожденія, явился въ классахъ инженернаго училища во время моей лекціи; болѣе получаса слушалъ онъ мое

преподаваніе и, уходя, почтилъ меня самымъ лестнымъ для меня отзывомъ. Съ тѣхъ поръ всегда и вездѣ встрѣчалъ онъ меня особенно милостивымъ привѣтомъ . . . Въ эти годы ученые и литературные труды мои доставили мнѣ утѣшеніе особаго рода, понятное людямъ-труженикамъ кабинетнымъ: въ 1819 году я избранъ дѣйствительнымъ членомъ минералогическаго общества, а въ 1821 году — общества любителей россійской словесности; но всего отраднѣе было для меня, что Географія, въ 1818 году мною изданная, дала мнѣ возможность исполнить давнее желаніе моего сердца — побывать на родинѣ и повидаться съ родителями. Книгопродавецъ Сленинъ просилъ моего позволенія напечатать на свой счетъ мою Географію новымъ изданіемъ; вознагражденіе за это позволеніе и деньги, мною полученные отъ Сленина, вполне достаточны были для совершенія преднамѣреннаго путешествія. Съ іюня по августъ 1820 года провелъ я въ родительскомъ домѣ, въ кругу родныхъ, съ которыми разлученъ былъ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ» . . .

Въ запискахъ Арсеньева нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о принадлежности его масонскому обществу; однако въ бумагахъ его нашлась собственноручная записка, которую помѣщая здѣсь какъ матеріалъ для будущей исторіи масонства въ Россіи.

«Я, нижеименованный, съ апрѣля 1820 по августъ 1822 года находился въ масонской ложѣ Избраннаго Михаила ¹⁾ состоявшей здѣсь въ Петербургѣ. Вступая въ оную, я имѣлъ одно чистое намѣреніе: сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ, полезнѣйшимъ гражданиномъ и ревностнѣйшимъ исполнителемъ велѣній высочайшей власти. Цѣль масонскихъ обществъ представили мнѣ благородною и высокою: учить добродѣтели, помогать ближнимъ, особенно несчастнымъ, и внушать благоговѣніе къ монарху и преданность къ Богу. По вступленіи моемъ въ ложу, я въ самомъ дѣлѣ не видѣлъ ничего, кромѣ общаго стремленія къ добру, не слышалъ никакихъ бесѣдъ, кромѣ назидательныхъ для души и согласныхъ съ здравымъ смысломъ. Никогда не было разсужденій, противныхъ религіи и правительству; напротивъ того, при

¹⁾ Нѣкоторые изъ членовъ этой ложи составили общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія, о чемъ см. въ Выдержкахъ изъ записокъ Н. Греча, Русскій архивъ, изд. г. Бартевымъ, 1871, № 6, стр. 0281.

одномъ произнесеніи августѣйшаго имени государя императора изъявляемо было непритворное благоговѣніе. Мѣры для достиженія благотворной цѣли масонства были: говореніе рѣчей учительныхъ и собираніе денегъ въ общую кассу; всѣ сіи рѣчи и отчеты о суммахъ хранятся въ архивѣ общества, состоявшаго въ мою бытность подъ главнымъ управленіемъ тайнаго совѣтника графа Мусина-Пушкина-Брюса. Впрочемъ, по кратковременному нахожденію моему въ ложѣ, подробностей союза и его другихъ тайнъ, ежели оныя есть, я не знаю. По закрытіи масонскихъ ложъ, въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія отъ 21 августа 1822 года, я далъ клятвенное обязательство не принадлежать ни къ какому тайному обществу и сіе обязательство хранилъ во всей святости: ни къ какимъ политическимъ злоумышленнымъ обществамъ не принадлежалъ никогда, и даже не имѣлъ о нихъ никакого понятія и слуху» . . .

Еще въ 1819 году (8 февраля), главный педагогическій институтъ былъ переименованъ въ петербургскій университетъ, и въ іюнь того же года вступилъ членомъ въ главное правленіе училищъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Руничъ—лицо, которому вскорѣ суждено было играть важную роль въ исторіи едва начавшаго свое существованіе университета. Первымъ дѣйствіемъ новаго члена была подача отзыва о сочиненіи профессора Куницына «Естественное право», которое найдено было Руничемъ, «сборникомъ антихристіанскихъ и антимонархическихъ нелѣпостей». Слѣдствіемъ этого было то, что въ мартѣ 1821 года профессора Куницына уволили изъ университета. Вскорѣ потомъ, тогдашній попечитель петербургскаго учебнаго округа, С. С. Уваровъ представилъ въ главное правленіе училищъ окончательно составленный проектъ вновь образованнаго университета. «Мое мнѣніе о семъ уставѣ, рассказывалъ впоследствии самъ Руничъ, было самое короткое; если бы излагать полное, надобно бы было признать весь уставъ совершенно несвойственнымъ русскому университету: онъ былъ просто слѣпокъ съ тогдашнихъ нѣмецкихъ либеральныхъ университетовъ». Уваровскій проектъ устава былъ отвергнутъ главнымъ правленіемъ училищъ, и попечитель потребовалъ увольненія отъ должности. Тогда министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ,

князь Александръ Николаевичъ Голицынъ поручилъ Руничу управление университетомъ и округомъ.

Уже послѣ смерти князя Голицына, Руничъ утверждалъ, что съ самаго вступленія его въ эту должность, министръ непрестанно «обращалъ его вниманіе на неблагонадежность профессоровъ и худое состояніе университета» и «понуждалъ его къ принятію рѣшительныхъ мѣръ, чтобъ положить конецъ разстройству ввѣренныхъ управленію его учебныхъ заведеній». Руничъ придумалъ отобрать отъ профессоровъ ихъ лекціи, а отъ студентовъ ихъ тетради. Это отобраніе сопровождалось, по свидѣтельству Уварова, неслыханными скандалами ¹⁾. Потомъ изъ студентскихъ тетрадей сдѣланы были выписки вредныхъ мѣстъ, будто бы читанныхъ на лекціяхъ профессорами: Галичемъ, Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ. 19 сентября 1821 года, Руничъ отнесся къ ректору университета Болугьянскому, «что главное училищъ правленіе, разсмотрѣвъ тетради студентовъ здѣшняго университета по отдѣленію философскихъ и историческихъ наукъ, нашло лекціи профессоровъ: Германа, Раупахъ, Галича и адъюнкта профессора Арсеньева, составляющими обдуманную систему невѣрія и правилъ зловредныхъ и разрушительныхъ въ отношеніи къ нравственности, образу мыслей и духу учащихся и къ благосостоянію всеобщему, предписываетъ по симъ, толико уважительнымъ причинамъ остановить нынѣ же и немедленно какъ по университету, такъ и по пансіону онаго, лекціи помянутыхъ профессоровъ и адъюкта, а между тѣмъ отобрать у студентовъ всѣ тетради по лекціямъ сихъ профессоровъ, сколько ихъ ни есть» ... Въ заключеніе, Руничъ увѣдомлялъ Болугьянскаго, что онъ уже распорядился о временномъ замѣщеніи коедръ названныхъ четырехъ профессоровъ. 21 сентября, Болугьянскій далъ знать

¹⁾ Письмо объ этомъ событіи Уварова къ императору Александру I, отъ 18 ноября 1821 г., помѣщено г. Сухомлиновымъ въ его «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіи императора Александра I», СПб., 1866 г. II, 194—200, Тамъ, между прочимъ, бывший попечитель писалъ: «au milieu du XIX siècle dans la 20-me année du règne de V. M. I., à trente pas de sa royale demeure on a osé deployer au milieu de la nuit un appareil redoutable, compromettre l'honneur d'une institution créée par V. M., menacer de convertir en soldats des étudiants paisibles que l'on n'a pu réussir à soulever, parler de prison et de Sibérie, faire prêter les sermens dérisoires» ...

Арсеньеву, что ему запрещено продолжать лекціи и что Руничъ приказалъ объявить ему: «1) Немедлительно доставить мнѣ (Болугьянскому) собственныя тетради по вашей (Арсеньева) части, какія употребляли вы при преподаваніи; 2) не присутствовать въ собраніяхъ конференціи; 3) не обращаться къ нему ни съ словесными, ни съ письменными объясненіями, которыя бы ни къ чему не послужили, ибо дѣло ваше рѣшится высшимъ начальствомъ»¹⁾.

Нѣсколько дней спустя, Арсеньевъ писалъ къ одному изъ своихъ слушателей въ Москву²⁾:

«Письмо ваше, признаюсь, изумило меня самымъ пріятнымъ образомъ. Оно было истинно неожиданный гость и гость милый. Какъ могъ я предполагать, чтобы вы птички, недавно высвободившіяся изъ клѣтки на просторъ свободы, нашли минуту и для меня — человѣка, вмѣстѣ съ другими бременившаго васъ ярмомъ наставленій сухихъ, невеселыхъ? Полагая, что *aus den Augen, aus den Sinn* — я думалъ, что уже не остается для меня ни малѣйшаго уголка въ вашемъ сердцѣ. Душевно благодарю васъ, что вы меня въ томъ разувѣрили.

«Привѣтствую васъ въ бѣлокаменной съ новыми наслажденіями, съ новою жизнію; да будетъ вся жизнь ваша и настоящая, и будущая непрерывною цѣпью удовольствій и радостей чистыхъ, невозмущаемыхъ огорченіями и злобою людей. Это не комплиментъ, а голосъ человѣка, сильно потревоженнаго, огорченнаго, гнѣтимаго злобою. Я расскажу вамъ исторію длинную; вѣроятно, она будетъ для васъ новостью. Слушайте, слушайте! «Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ предписаніи своемъ отъ 19 сентября, изъясняя, что главное правленіе училищъ, рассмотрѣвъ... (слѣдуетъ выписка изъ распоряженія, сообщеннаго выше). Главное содержаніе грозной бумаги въ собственныхъ выраженіяхъ!!! И такъ мы преступники — на мѣсто насъ избраны уже другіе преподаватели, именно: Зябловскій для статистики, Дюгуръ для исторіи, и для философіи — кто бывы думали? Толмачевъ философъ!! *O tempora, o mores!* Въ чемъ же состоитъ

¹⁾ Копіи съ обѣихъ бумагъ хранятся въ оставшихся послѣ Арсеньева письмахъ.

²⁾ С. А. Соболевскому, который слушалъ лекціи въ благородномъ пансіонѣ при петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и, послѣ окончанія тамъ курса, уѣхалъ въ Москву.

наше невѣріе, въ чемъ правила разрушительныя? Это извѣстно имъ. *Sic volo!* нашъ вѣкъ богатъ чудесами. Эта новость занимаетъ всѣхъ, есть предметъ разговоровъ повсюду, и, къ нашему утѣшенію, мнѣніе публики болѣе за насъ, а не противъ насъ. Чѣмъ все это кончится? Мы еще числимся при университетѣ, но, какъ вы можете представить, не на радость. Меня утѣшаетъ еще мысль, что все можетъ переимѣниться къ счастью настоящей и будущей генераціи. *Post nubila Phoebus!* Надежды свои основываю на томъ, что это сдѣлано черезъ чуръ круто, насильственно; а насильственные мѣры не ведутъ къ цѣли. На насъ смотрятъ теперь, какъ на чуда, и знакомые и незнакомые. Всѣ любопытствуютъ имѣть тетради наши, или узнать сущность всего запрещеннаго, хотя въ другое время оно совсѣмъ не могло бы интересовать никого; но вы знаете, что *le désir de ce qui est défendu est un feu qui dévore.*»

«Довольны ли вы нашими новостями? Подумайте объ нихъ на досугѣ; я вамъ много написалъ. Еще о пансіонѣ: онъ въ новомъ домѣ, котораго я хорошо не знаю; для меня туда уже простылъ и слѣдъ. Толмачевъ тамъ представляетъ великое лицо: онъ нынѣ еще выше держитъ свой носъ. Имъ и Роговымъ, моими пріятелями, составлено мое обвиненіе. Вотъ, каковы нынѣ пріятели! Вы хотѣли знать о батюшкѣ (протоіереѣ Маловѣ), Поповѣ, Полнерѣ, Раупахѣ, Руничѣ и Магницкомъ. Батюшка почтеннѣйшій, благороднѣйшій человекъ. Съ какимъ жаромъ защищалъ онъ меня! Попова не видалъ давно — намъ четверемъ запрещено присутствовать въ конференціи. Полнеръ на дняхъ навѣщалъ меня — вамъ кланяется. Раупахъ великодушень — онъ увѣренъ, что *zu etwas Besserem sind wir geboren*. Руничъ и Магницкій.... болѣе не могу. Простите»....

Въ ноябрѣ 1821 года, послѣдовало распоряженіе главнаго правленія училищъ о производствѣ въ университетѣ суда надъ четырьмя обвиненными профессорами. Извѣстія объ этомъ событіи нынѣ уже напечатаны въ достаточной полнотѣ г. Сухомлиновымъ въ его «Матеріалахъ для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» (часть II), и потому я ограничусь только нѣкоторыми подробностями, непосредственно касающимися Арсеньева.

Допросъ его въ университетскомъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ Рунича, происходилъ 4 ноября 1821 г. и весьма живо описанъ профессоромъ Плисовымъ, на котораго возложены были обязанности конференцъ-секретаря ¹⁾. Арсеньевъ позванъ былъ въ присутствіе послѣ совершенно растерявшагося профессора Галича. «Г. Руничъ (разсказъ Плисова) обратился также къ нему съ увѣщаніями, подобно какъ и къ Галичу, но только для вида, собственно же для того, чтобы послѣ тѣмъ съ бѣльшимъ ожесточеніемъ устремиться на него съ ругательствами и злословіемъ. Когда г. Руничъ запинался, то г. Кавелинъ (директоръ университета) договаривалъ язвительныя слова, а когда тотъ уже, такъ сказать, почти задыхался, то сей заступалъ его мѣсто. Кромѣ обвиненій по вопроснымъ пунктамъ, на кои надлежало отвѣчать Арсеньеву, кромѣ упрековъ въ мнимой неблагодарности къ Богу, къ государю и отечеству, Арсеньевъ долженъ былъ еще слушать какъ его злословятъ въ глаза, называя невѣжею, глупцомъ и пр. Г. Руничъ, ошибаясь въ правилахъ чести и границахъ благопристойности и не стыдясь никакихъ вымысловъ, забылся даже до того, что, при чтеніи одной изъ обвинительныхъ статей на счетъ крѣпостнаго состоянія, сказалъ: «вы сами, г. Арсеньевъ, еще весьма недавно вышли изъ крѣпостнаго состоянія!»

«Причиною такого ожесточенія гг. Рунича и Кавелина противу Арсеньева (какъ самъ г. Кавелинъ въ тотъ же день ввечеру у себя на дому и въ присутствіи профессора Плисова, Толмачева и нѣкоторыхъ канцелярскихъ служителей признался) было то, что Арсеньевъ, который, какъ тогда же говорилъ Кавелинъ, обвинялся только за компанію Герману, презрѣлъ многократныя его, Кавелина, приглашенія къ себѣ на домъ, при которыхъ могъ въ томъ (?) увѣриться и знать какъ себя вести. «Я такъ и не надѣялся на него, прибавилъ тогда же Кавелинъ, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ онъ, глупецъ; не соображая ни мало временныхъ обстоятельствъ, бросился—и къ кому же? Къ великому князю!»

«Послѣ брани, злословія и ругательствъ, Арсеньеву читаны

¹⁾ Записка Плисова напечатана два раза: въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей», 1862 г., кн. 3, отд. V, стр. 179—205 и въ поминутыхъ «Матеріалахъ» г. Сухомлинова, ч. II, стр. 132—159.

были г. Руничемъ вопросные пункты, а г. Кавелинымъ выписки изъ печатной книги, изданной Арсеньевымъ, а въ добавокъ изъ дѣтскихъ записокъ и замѣчаній, дѣланныхъ однимъ (или нѣкоторыми?) изъ воспитанниковъ пансіона по предмету статистики, преподаваемой въ ономъ Арсеньевымъ»...

Послѣдній говорилъ въ свое оправданіе, что онъ не можетъ отвѣчать за то, что писано воспитанниками изъ шалости, а теорію статистики излагалъ по книгѣ профессора Германа, одобренной въ 1807 году главнымъ правленіемъ училищъ. «Это не послужитъ вамъ оправданіемъ, прервалъ его Руничъ, что книга напечатана и одобрена отъ правительства — то было время, а теперь другое!» Арсеньевъ продолжалъ, что статистика была имъ читана съ утвержденія и одобренія директора Кавелина. «Грѣшень, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ, признаюсь, что я прежде одобрилъ и утвердилъ въ руководство для преподаванія въ пансіонѣ статистики печатную книгу г. Арсеньева; но по ней же читали статистику и въ лицѣѣ, и въ благородномъ онаго пансіонѣ. Однакожь это вамъ не извиненіе, г. Арсеньевъ, продолжалъ онъ, теперь это мое прежнее одобреніе вашей книги не у мѣста, и я теперь же беру оное назадъ»...

Между вопросными пунктами Арсеньеву былъ также слѣдующій: «что приведете вы въ оправданіе того, что дерзнули открывать величайшія государственныя тайны?»

— «Послушайте, Михаилъ Андреевичъ, говорилъ Руничъ Болугьянскому, самому графу Гурьеву (тогда—министръ финансовъ) вѣроятно неизвѣстны тѣ государственныя тайны, кои намъ г. Арсеньевъ открываетъ; послушайте, г. Плисовъ, это и до васъ касается по части преподаванія финансовъ.»

«Г. Кавелинъ, понизя тонъ, дрожащимъ голосомъ и съ примѣтнымъ даже страхомъ, читалъ изъ выписокъ, присланныхъ отъ главнаго правленія училищъ, доказательство на сіе обвиненіе Арсеньева въ открытіи государственныхъ тайнъ — это было то самое мѣсто въ книгѣ Арсеньева, въ которомъ онъ говоритъ о суммѣ выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, основывая статистическія сіи извѣстія не только на публичныхъ актахъ, но и на всемілостивѣйшихъ манифестахъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе. Слѣдовательно, это были такія государственныя

тайны, кои извѣстны всѣмъ и каждому, кому вѣдать о томъ подлежить»...

«Такого же рода были и другія обвиненія, на которыя по вопроснымъ пунктамъ требовались отвѣты отъ Арсеньева. Онъ говорилъ, на примѣръ, о безопасности и свободѣ промышленности, какъ о средствахъ къ достиженію цвѣтущаго состоянія оной, какъ о главнѣйшемъ правилѣ управления оной, не только признаннымъ въ теоріи, но и принятомъ на практикѣ въ нашемъ отечествѣ, а по присланнымъ изъ главнаго правленія училищъ вопроснымъ пунктамъ за сіе именно обвиняютъ его, Арсеньева, въ томъ, что онъ тѣмъ самымъ преподаетъ правила разрушительныя и низпровергающія гражданскія и государственныя связи. Арсеневъ говоритъ въ своей книгѣ, что свобода промышленниковъ и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ приумноженіи богатства частнаго и народнаго, — а вопросный особый пунктъ на основаніи того обвиняетъ его въ посмѣяніи мѣрамъ того правительства, подъ благотворнымъ вліяніемъ коего онъ живетъ и пользуется всѣми выгодами жизни. Онъ говоритъ мимоходомъ о правленіи Наполеона — а вопроснымъ пунктомъ это примѣнено къ нашему отечеству»...

Арсеньеву задали также вопросъ: «для чего, преподавая статистику, вводили вы въ оную чуждыя сей науки матеріи, въ изложеніи которыхъ обнаруживаются начала и заключенія, возмутительныя противу благосостоянія общественнаго?» Арсеневъ на это отвѣчалъ: «Преподавая статистику, съ намѣреніемъ я не думалъ никогда касаться области другихъ наукъ. Но смотря на нее какъ на науку политическую или географическую, я сближался съ предметами сродными и близкими ей, хотя они главнѣйше принадлежатъ къ политической экономіи или къ праву государственному: *Staatsrecht und Staatsverwaltungsrecht sind die Haupttheile der Statistik* — такъ говоритъ Шлѣцеръ, толико знаменитый своими заслугами по статистикѣ и по исторіи нашего отечества. Кромѣ простыхъ показаній въ числахъ, я позволилъ въ книгѣ моей сужденія и заключенія по многимъ предметамъ, считая это для себя обязанностью, ибо я имѣлъ въ виду правило того же Шлѣцера — *es giebt eine Statistik raisonnée*. Да проститъ мнѣ почтенная конференція и правленіе, что я при-

вожу самыя подлинныя слова Шлёцера: eigentlich fordert man dem Statistiker nur Facta ab, aber oft muss er die Folgen erwähnen zum Beweis, dass sein Factum statistisch richtig sei»...

Помѣстивъ въ своихъ запискахъ вопросныя пункты и отвѣты на нихъ, Арсеньевъ прибавляетъ: «Озлобленіе Рунича противъ насъ во время суда доходило иногда до неистовства. Онъ позволялъ себѣ самыя язвительныя насмѣшки и сарказмы, хотѣлъ подавить въ насъ чувство человѣческаго достоинства. Такія выходы и такой безумно горделивый тонъ его и такая очевидная незаконность суда возбудили противъ него открытое негодованіе нѣкоторыхъ благородно мыслящихъ членовъ конференціи. Ректоръ университета Болугьянскій, профессора Плисовъ, Шармуа и Деманжъ сильно протестовали противъ пристрастнаго и несправедливаго суда Рунича, и смѣло, въ рѣзкихъ выраженіяхъ оспаривали его заключеніе; напрасны были усилія ихъ: они насъ не спасли, а себѣ повредили; всѣ четверо волею или неволею должны были оставить свои кафедры и уклониться отъ службы при университетѣ. Къ счастью для насъ, подсудимыхъ, и для нашихъ защитниковъ, общественное мнѣніе — чуть ли тогда не въ первый разъ проявившееся — было сильно возбуждено противъ Рунича и Магницкаго. Послѣдній былъ главнымъ виновникомъ всего зла; ихъ обоихъ и съ ихъ сателлитами огласили вездѣ обскурантами, гасильщиками просвѣщенія, а насъ величали мучениками за науку и за правду. Дотолѣ въ городѣ мало знали объ университетѣ, весьма мало интересовались его судьбами; теперь многіе сторонніе къ дѣлу люди хотѣли знать всѣ подробности *суда нечестивыхъ*, какъ называли они судъ надъ нами. Вообще вся просвѣщенная публика принимала живое участіе въ судьбѣ нашей¹⁾...

¹⁾ Достоинно вниманія то, что, по свидѣтельству самого Рунича, императоръ Александръ I, когда князь Голицынъ ему докладывалъ о подробностяхъ университетскаго суда, отозвался: «жаль, что я въ такомъ святомъ дѣлѣ погорячился!» «Какъ эту высочайшую мысль понимать должно, не смѣю испытывать», прибавляетъ отъ себя Руничъ! Держась стариннаго правила — *audiat et altera pars*, я полагаю необходимымъ помѣстить здѣсь въ приложеніе подъ № 1 оправдательную записку Рунича объ описываемомъ событіи. Онъ прислалъ ее къ Арсеньеву много лѣтъ спустя послѣ преслѣдованій его, именно 18 іюня 1842 г., при письмѣ, начинавшемся такъ: «Вы удивитесь конечно, получа письмо мое. Содержаніе его и прилагаемая записка объяснятъ вполне мое

«Мои обстоятельства, писалъ Арсеньевъ къ отцу своему 6 декабря 1821 года, особенно въ послѣдніе восемь мѣсяцовъ были отъѣнно неприяты. Никогда въ жизни моей я не былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ нынѣ. У насъ въ университетѣ произошли перемѣны въ начальствѣ; съ сею перемѣною вмѣстѣ, четыре профессора университета преданы суду за распространеніе будто бы богопротивныхъ мнѣній, несогласныхъ съ религіею, и за ученіе, вредное правительству и верховной власти; въ числѣ сихъ четырехъ нахожусь и я. И доселѣ это дѣло еще не приведено къ окончанію; впрочемъ, я надѣюсь, что оно кончится для меня совершенно счастливо. Ежели бы я не былъ увѣренъ въ хорошемъ концѣ, то и теперь не сталъ бы писать къ вамъ, страшась тѣмъ потревожить ваше спокойствіе. Соедините мольбы ваши къ Всевышнему съ моими, и Богъ поможетъ мнѣ. Чистая совѣсть моя, невинность и правота поддерживаютъ меня. Полагаю навѣрное, что въ этомъ мѣсяцѣ государь подпишетъ мое оправданіе. Мнѣ прискорбно было, какъ вы сами можете представить, особенно въ началѣ моихъ горестей, но теперь онѣ миновали, и я, слава Богу, здоровъ и покоенъ. Сама государыня императрица вдовствующая, подъ высокимъ покровительствомъ которой я имѣю счастье служить, сама она заботилась о судьбѣ моей, равно какъ и оба великіе князья Николай и Михаилъ — и они меня знаютъ. Несмотря на гоненіе противъ меня въ одномъ мѣстѣ, я сохранилъ и мѣста мои и службу и у государыни, и у великихъ князей. Можетъ быть, и самое гоненіе сіе обратится мнѣ на пользу»...

«Въ это время, вслѣдствіе несчастія, меня—продолжаетъ Арсеньевъ въ своихъ запискахъ — постигшаго, я имѣлъ утѣшеніе приобрести знакомство и доброе расположеніе двухъ лицъ И. Д. Черткова и А. И. Тургенева. Послѣдній въ эту печальную для меня эпоху былъ постояннымъ моимъ защитникомъ и ходатаемъ; по его совѣту и при его посредствѣ, я, въ концѣ 1821 года, написалъ и представилъ министру, князю А. Н. Голицыну письмо слѣдующаго содержанія:

побужденіе. Всему есть время! время молчать и время говорить! Я увѣренъ, что вы меня оправдаете!»... Въ какой мѣрѣ достигъ Руничъ (давно уже умершій) этой послѣдней цѣли, отдается на судъ самого читателя.

«Умоляю, ваше сіятельство, бросить милостивый взоръ на сіи малыя строки мои.

«Извѣстно, что я въ числѣ другихъ обвиняюсь въ невѣріи и въ распространеніи зловредныхъ между юношествомъ правилъ. Всякое наказаніе было бы слабымъ для столь важныхъ преступленій; но какое наказаніе предположить должно, если обвинения изобрѣтены безбожною злобою и личною ненавистію.

«Запрещено мнѣ объясняться и оправдываться; но не оскорбительнѣе ли было бы, сіятельнѣйшій князь, нежели для самого меня, если бы передъ лицомъ вашимъ восторжествовала клевета?»

«Все, что на меня сказано, есть пустая выдумка высочайшей степени безбожія, прикрывающаго себя личиною вѣры. Вѣрующій не лжетъ и не клевететь.

«Нѣтъ сомнѣнія, что ваше сіятельство, любя истину, обратите вниманіе на сплетенія, сколько бы они ухищрены ни были; и я умоляю о томъ ваше сіятельство именемъ Бога, всегда что-мага мною въ истинномъ смыслѣ святаго его евангелія.

«Это письмо, можетъ быть, усугубило бы мое несчастіе: князь раздраженъ былъ рѣзкимъ тономъ письма моего и признавалъ его доказательствомъ дерзости моей и новымъ свидѣтельствомъ непокорности моей властямъ; только доброму посредству А. И. Тургенева одолженъ я тѣмъ, что письмо осталось безъ отвѣта и безъ послѣдствій.

«Между тѣмъ дѣло наше изъ конференціи университета перенесено попечителемъ Руничемъ въ высшую инстанцію: въ главное правленіе училищъ. Тутъ громогласнѣе всѣхъ вопіяхъ противъ насъ Магницкій и силою словъ своихъ увлекъ большую часть своихъ сочленовъ на свою сторону; онъ напугалъ ихъ воображеніе картинами неустройствъ въ западной Европѣ, гдѣ дѣйствительно замѣтно было сильное волненіе въ умахъ, особенно въ Германіи. Тамъ образовались въ университетахъ германскихъ разныя тайныя общества, направленныя противъ правительствъ; тамъ молодые люди, члены Tugendbund'a буйно торжествовали вартбургскій праздникъ, грозно отозвавшійся всѣмъ правительствамъ германскимъ и давшій императору Францу поводъ къ изданію манифеста, въ которомъ онъ объявляетъ, чтобы университеты заботились объ образованіи не столько ученыхъ, сколько

добрыхъ и честныхъ гражданъ; въ то же время разносились въ Германіи неистовые крики противъ трехъ russisch keiserliche Staats Rätthe: Якоби, Стурдзы и Коцебу — послѣдній палъ подъ ножомъ убійцы Занда. Императоръ Александръ, присутствовавшій лично на конгрессахъ въ Троппау (1820) и въ Лайбахѣ (1821), не могъ не замѣтить этого броженія молодежи германской, и потому далъ повелѣніе своему министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, чтобы онъ наблюдалъ за правильнымъ ходомъ народнаго обученія въ Россіи и за состояніемъ нашихъ университетовъ. Попечителямъ предписано было обзрѣть на мѣстѣ подвѣдомыя имъ учебныя заведенія; Магницкому поручено обзрѣть казанскій университетъ. Хорошее, что онъ тамъ видѣлъ, мало его интересовало; въ его глазахъ больше заслуги было найти зло и показать его, потому онъ отрѣшилъ восемь профессоровъ, какъ преподавателей злонамѣренныхъ. Вредные плевелы вырваны съ корнемъ; почва очищена; примѣръ благой ревности къ дѣлу показанъ. Уваровъ, попечитель университета петербургскаго, не хотѣлъ послѣдовать этому примѣру; Магницкій своими кознями довелъ его до того, что онъ оставилъ свой постъ—мѣсто его заступилъ Руничъ, съ любовью и жаромъ устремившійся въ слѣдъ за Магницкимъ. Дѣйствія Рунича по университету петербургскому были оправдательнымъ актомъ дѣйствій Магницкаго въ Казани. Единомысліе связало ихъ дружбою; они вдвоемъ осѣтили министра, и добрый по природѣ князь Голицынъ не умѣлъ разгадать ихъ и невольно, безъ сознанія сдѣлался орудіемъ честолюбцевъ, помышлявшихъ не о пользѣ прямой для отечества, но о личной корысти для себя, искавшихъ возвышенія, почестей не за слугами, а выслугой. Долго министръ былъ въ ослѣпленіи, наконецъ онъ прозрѣлъ и узналъ, какіе люди его окружали»...

V.

Личное благоволеніе къ Арсеньеву Великаго Князя Николая Павловича. Вступленіе на службу въ комиссію составленія законовъ. Назначеніе въ наставники Государя Цесаревича, Наслѣдника престола.

1822 и 1823 годы прошли для Арсеньева въ ожиданіяхъ, что дѣло о немъ, представленное въ комитетъ министровъ, а потомъ государю, будетъ кончено; однако эти ожиданія были тщет-

ны. Впрочемъ Арсеньевъ, по прежнему, оставался преподавателемъ въ главномъ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ. Однажды, при посѣщеніи перваго изъ этихъ заведеній, великій князь Николай Павловичъ зашелъ въ классъ, въ которомъ читалъ лекцію Арсеньевъ, и милостиво сказалъ ему: «что съ тобой Арсеньевъ? За что на тебя такое гоненіе? Мы тебя знали чистымъ и честнымъ. Будь спокоенъ, ты у насъ останешься и ничего не потеряешь. ¹⁾!»

Въ 1822 году Арсеньевъ написалъ «Исторію народовъ и республики древней Греціи». Въ то время, говоритъ онъ въ запискахъ, Магницкій терзалъ мой старый трудъ, мою статистику, служившую поводомъ къ моему обвиненію во время суда университетскаго; онъ написалъ на эту книгу самую злую критику и вновь представилъ князю Голицыну, какъ улику въ моей виновности... Магницкій и Руничъ обманулись въ расчетахъ своихъ: вмѣсто вниманія царскаго и награды, они стяжали себѣ позоръ и стыдъ... Разборъ Магницкаго Статистики Арсеньева сохранился въ бумагахъ послѣдняго и помѣщенъ здѣсь въ приложеніи подъ № II.

Великій князь Николай Павловичъ не переставалъ видимо благодѣтельствовать Арсеньеву въ тяжелое для него время. Такъ онъ выхлопоталъ ему дозволеніе посвятить «Исторію народовъ и республикъ древней Греціи» имени императора Александра I, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ Арсеньева имѣло особенное значеніе. Сверхъ того, въ августѣ 1823 года, учреждена была школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и главный начальникъ ея, тотъ же великій князь назначилъ туда Арсеньева профессоромъ исторіи, съ жалованьемъ по 3 т. рублей въ годъ. Между тѣмъ, «благодѣтельный А. И. Тургеневъ (слова Арсень-

¹⁾ О томъ, какъ принялъ Великій Князь Николай Павловичъ Рунича, когда этотъ представлялся ему, можно видѣть изъ разсказа самого Рунича, помѣщеннаго при настоящемъ жизнеописаніи въ I-мъ приложеніи. Н. Гречъ прибавляетъ къ тому еще одну подробность (Выдержки изъ записокъ, Русскій Архивъ, изд. г. Бартевымъ, 1871 г., № 6 (стр. 0264): «Руничъ, получивъ за свои подвиги орденъ св. Владиміра 2-й степени, явился къ великимъ князьямъ. Николай Павловичъ благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который могъ теперь посвятить все свое время инженерному училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько человѣкъ подобныхъ, чтобъ у себя съ пользою употребить ихъ на службу»...

ева въ запискахъ) не переставалъ радѣть о моихъ пользахъ; часто призывалъ меня къ себѣ для того только, чтобы сказать мнѣ, что онъ не забылъ обо мнѣ и выжидаетъ счастливаго случая. Этотъ случай скоро представился: въ комиссіи составленія законовъ открылась вакансія редактора. Тургеневъ, какъ старшій членъ этой комиссіи, самъ имѣлъ право рекомендовать меня главному управляющему комиссіею князю П. В. Лопухину; но для большей вѣрности въ успѣхѣ, онъ снабдилъ себя письмомъ отъ князя А. Н. Голицына. Въ этомъ письмѣ, прося князя Лопухина о моемъ опредѣленіи, князь Голицынъ съ намѣреніемъ ничего не сказалъ о дѣлѣ университетскомъ, и потому не встрѣчено никакого затрудненія... Опредѣленіе Арсеньева въ комиссію составленія законовъ состоялось 25 февраля 1824 г., а 12 апрѣля того же года его уволили, по прошенію, изъ университета.

Въ 1825 г. Арсеньевъ напечаталъ вышепомянутое сочиненіе свое «Исторію народовъ и республикъ древней Греціи» и экземпляръ его поспѣшилъ послать къ Карамзину. Исторіографъ отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, которое хотя и не содержало въ себѣ ничего, кромѣ обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ вѣжливостей, тѣмъ не менѣе однако обаяніе Карамзина на современныхъ писателей было такъ велико, что Арсеньевъ просить въ запискахъ «сохранить письмо Карамзина на память, для чести моего имени». Вотъ оно отъ слова до слова:

Милостивый Государь мой
Константинъ Ивановичъ!

«Искренно благодарю Васъ и за обязательное письмо и за книгу; не менѣе искренно хвалю послѣднюю. Не только Автору, но и всякому другому скажу, что она писана съ умомъ и талантомъ. Особенное удовольствіе сдѣлали мнѣ главы о законодательствѣ: все основательно и ясно.—Столь щастливый опытъ ручается за успѣхъ трудовъ дальнѣйшихъ.

«Худое мое здоровье причиною того, что я замедлилъ отвѣчать Вамъ; оно мѣшаетъ мнѣ даже заниматься постоянно и чтеніемъ.

«Примите увѣреніе въ отличномъ почтеніи и въ преданности, съ коими имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Николай Карамзинъ.

Царское село
1 сентября 1825 г.

Изъ разсказа Арсеньева въ запискахъ видно, что съ отъѣздомъ императора Александра I въ Таганрогъ, именно съ сентября мѣсяца 1825 года, въ Петербургъ стало обнаруживаться необычайное броженіе въ умахъ. По городу ходили слухи одинъ нелѣпѣ другаго; разсказывали о какомъ-то попѣ съ рогами, котораго многіе будто бы видѣли; читалось и переписывалось съ смѣлыми комментаріями письмо Александра I къ графу Аракчееву по поводу убійства Настасьи Шумской ¹⁾; въ разныхъ мѣстахъ распѣвались таинственныя пѣсни, смыслъ которыхъ для большинства оставался загадкою. Гвардейскій офицеръ изъ старинной фамиліи Новосильцовъ, помолвивъ дѣвушку изъ незнатнаго семейства Черновыхъ, отказался отъ невѣсты, по настоянію своихъ родныхъ. Братъ Черновой вызвалъ на дуэль бывшаго жениха сестры. Дѣло кончилось тѣмъ, что Черновъ, жестоко раненый, вскорѣ умеръ. Общественное сочувствіе было на его сторонѣ, и похороны молодаго человѣка происходили съ какою-то небывалою торжественностью: весь Петербургъ былъ на ногахъ, какъ будто вся Россія въ смерти Чернова понесла огромную утрату....

22 февраля 1826 года, Арсеньевъ писалъ къ отцу:

«Какія ужасныя времена мы пережили! Можно ли было говорить или писать о чемъ съ спокойною душою? Дай Богъ, чтобы подобныя ужасы никогда не возвращались болѣе. И я страдалъ много; цѣлыя пять лѣтъ состоялъ я подъ подозрѣніемъ ужаснымъ, хотя вовсе несправедливымъ, какъ это теперь очень ясно и обнаружилось.

«Съ возшествіемъ на престолъ новаго государя, настала для меня новая жизнь; я имѣю рѣдкое, ни съ чѣмъ несравненное счастье быть лично извѣстнымъ государю императору Николаю Павловичу. Онъ одинъ и прежде спасалъ меня отъ бѣды; онъ одинъ поддерживалъ меня милостивымъ своимъ вниманіемъ; съ

¹⁾ Письмо это напечатано въ рѣдкой нынѣ сенатской «Запискѣ изъ дѣла о бывшемъ новгородскомъ гражданскомъ губернаторѣ, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Дмитріѣ Жеребцовѣ, преданномъ суду, по высочайшему повелѣнію, за безпорядки и неправильности по дѣлу о убійствѣ домоправительницы графа Аракчеева—Шумской», на стр. 49, 50. Вся записка въ f^o, на 85 страницахъ и напечатана въ началѣ царствованія Императора Николая.

первой минуты его царствованія, я поклялся въ душѣ моей посвятить ему на служеніе и мои таланты, и самую мою жизнь»...

Арсеньевъ въ запискахъ своихъ слѣдующимъ образомъ очерчиваетъ любопытное время, когда комиссія составленія законовъ, гдѣ онъ служилъ, была преобразована во Второе отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи:

«Производство законодательныхъ работъ во Второмъ отдѣленіи высочайше поручено было главному завѣдыванію тайнаго совѣтника М. М. Сперанскаго. Этотъ счастливый выборъ, свидѣтельствуя проникательность и мудрость молодаго монарха, могъ служить ручательствомъ въ успѣшномъ совершеніи великаго дѣла, котораго не могъ совершить Петръ I, и о которомъ съ любовью, но бесплодно мечтала Екатерина II. Можно сказать утвердительно, что сколько ни рѣшительна была воля Николая дать твердые законы Россіи, сколько ни сильна была готовность его на всякое добро для народа, но безъ Сперанскаго онъ не успѣлъ бы осуществить благихъ своихъ предначертаній. Ни одинъ изъ государственныхъ людей, бывшихъ тогда на сценѣ, не отважился бы вызваться на трудъ не по силамъ. Сперанскій, по необыкновенному уму своему, принадлежитъ къ небольшому числу такихъ людей, которые рождаются вѣками; умудренный горькими опытами, очищенный въ горнилѣ тяжкихъ испытаній, сохранившій свѣтлый взглядъ на общество и на людей, съ разнообразными и многосторонними познаніями въ слѣдствіе необъятной начитанности и глубокихъ размѣшленій и наблюденій, и съ привычкою къ трудамъ всякаго рода, онъ, одинъ только онъ могъ смѣло, въ сознаніи силъ своихъ, приняться за работу исполинскую.

«Предъ открытіемъ работъ, Сперанскій предъявилъ Второму Отдѣленію составленный имъ конспектъ или обширную программу всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ новаго уложенія. По этой программѣ, раздѣленной на книги, раздѣлы, главы и статьи, чиновники должны были обрабатывать предметъ, каждому особо порученный, и излагать оный догматически на основаніи узаконеній, напечатанныхъ отъ правительства, или изданныхъ частными людьми въ разныхъ сборникахъ, каковы на примѣръ Максимовича, Хавскаго и другихъ. Скоро увидѣли однакожь, что эти сборники далеко не полны, и что на нихъ осно-

ваться невозможно; немедленно обратились къ тому, съ чего начать надлежало; рѣшились собрать и привести въ извѣстность всѣ узаконенія, изданныя отъ временъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, или отъ 1649 года доселѣ. Плодомъ этихъ дѣйствій Отдѣленія было Полное собраніе законовъ Россійской имперіи — трудъ драгоцѣнный во многихъ отношеніяхъ, особенно для исторіи администраціи и законодательства. По мѣрѣ приведенія въ исполненіе первой основной идеи, т. е. по мѣрѣ изготовленія и печатанія Полнаго собранія законовъ, быстро подвигался и главный трудъ законодательный; не думали уже сочинять новаго уложенія, какъ предположено было сначала, но занимались составленіемъ такого законодательнаго труда, въ которомъ бы безъ всякой примѣси иноземныхъ кодексовъ, безъ произвольныхъ нововведеній, изложены были въ порядкѣ и въ указанной системѣ всѣ законы, данные Россіи въ разные періоды времени, но имѣющіе и въ настоящее время дѣйствительную силу и служащіе доселѣ руководствомъ какъ къ разрѣшенію задачъ государственныхъ для правительства, такъ и къ рѣшенію вопросовъ для частныхъ лицъ во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ между собою. Плодомъ этого труда былъ сводъ законовъ Россійской имперіи. Оба эти великіе, можно сказать, подвиги совершены въ короткій семилѣтній срокъ отъ 1826 до 1832 года; они составляютъ блистательную страницу въ исторіи Николая I. Во все время производства этихъ работъ государь принималъ въ нихъ самое живое участіе и горячо содѣйствовалъ ихъ успѣху всѣми способами: истинно по царски награждалъ всѣхъ трудившихся на этомъ поприщѣ. Я не долго участвовалъ въ трудахъ Второго отдѣленія (1826 — 1828 годы) и, слѣдственно, не могъ сдѣлать много, но несмотря на то троекратно удостоенъ высочайшихъ наградъ»...

Въ этотъ періодъ времени Арсеньевъ (21 апрѣля 1827 г.) писалъ къ отцу своему по поводу одного семейнаго обстоятельства:

«Всѣ гоненія и несчастія, мною претерпѣнныя, происходили главнѣйшимъ образомъ отъ того, что я изъ духовнаго званія. Я не стыжусь моего происхожденія, отъ всего сердца уважаю духовный санъ и духовне сословіе, почтенное по своимъ обязанно-

стямъ и по высокому назначенію; но.... Когда мои непріатели хотѣли погубить меня, то одно твердили они: поповичъ захотѣлъ сѣсть не въ свои сани — лезетъ высоко! Богъ спасъ меня отъ ихъ злобы, но и теперь еще съ ббльшею завистью смотрятъ на меня и тѣмъ болѣе хотятъ вредить мнѣ»....

Записки Арсеньева, къ сожалѣнію, прерываются на слѣдующемъ извѣстіи о достопримѣчательномъ въ жизни его событіи:

...«Въ апрѣлѣ 1828 года, статсъ-секретарь Н. Н. Муравьевъ сообщилъ управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому высочайшую государя императора волю о доставленіи мнѣ, по требованію моему, статистическихъ свѣдѣній, нужныхъ къ составленію статистики Россійской имперіи для преподаванія его императорскому высочеству, великому князю Александру Николаевичу. Эта высочайшая воля объявлена мнѣ генераль-адъютантомъ А. А. Закревскимъ, заступившимъ мѣсто Ланского».

Еще въ февралѣ 1828 г., императоръ Николай I собиралъ комитетъ изъ приближенныхъ къ нему лицъ для обсужденія вопроса: кому поручить преподаваніе наукъ наслѣднику престола? При этомъ случаѣ его величество выразился: «для исторіи у меня есть надежный человекъ, съ которымъ я служилъ въ инженерномъ училищѣ — Арсеневъ. Онъ знаетъ дѣло, отлично говоритъ, и сыну будетъ полезенъ ¹⁾».

12 іюня того же года Арсеневъ писалъ къ своимъ родителямъ: «нынѣшнимъ лѣтомъ я не могу быть у васъ. Не огорчайтесь симъ извѣстіемъ, дражайшіе мои родители, и выслушайте меня: Богъ все устрояетъ ко благу. Государь императоръ, предъ отъѣздомъ своимъ въ армию, 19 апрѣля, далъ высочайшій указъ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержания: «по требованію коллежскаго совѣтника Арсеньева повелѣваемъ доставлять ему всѣ изъ всѣхъ министерствъ свѣдѣнія, нужныя къ составленію статистики Россійской имперіи для преподаванія его императорскому высочеству великому князю наслѣднику престола». По собраніи сихъ свѣдѣній, государю угодно отправить меня по важнѣйшимъ губерніямъ Россіи, чтобъ я все видѣлъ на мѣстѣ собственными глазами, и потомъ послать меня въ чужіе края для

¹⁾ Слышалъ отъ сыновей К. И. Арсеньева.

сравненія отечественнаго съ иностраннымъ. По окончаніи сего порученія, я долженъ буду заниматься преподаваніемъ статистики великому князю. Порученіе, какъ вы видите, весьма важное и местное для меня. Я буду имѣть счастье содѣйствовать образованію будущаго Царя Россіи»...

VI.

Сношенія Арсеньева съ Жуковскимъ, гр. Д. Н. Блудовымъ и А. И. Тургеневымъ.

Со времени этого назначенія, у Арсеньева возникли частыя сношенія съ В. А. Жуковскимъ, на котораго былъ возложенъ главный надзоръ по преподаванію наукъ наслѣднику престола. Въ бумагахъ Арсеньева сохранилось нѣсколько записокъ поэта къ нему, писанныхъ, какъ видно, на-скоро и, за исключеніемъ одной, безъ обозначенія времени.

Слѣдующая, по всѣмъ вѣроятіямъ, заключаетъ въ себѣ первое извѣстіе о назначеніи, о которомъ писалъ Арсеньевъ къ своему отцу:

«Ваше дѣло кончено. Указъ данъ. Объ этомъ сказалъ мнѣ самъ Государь. Думаю что надобно освѣдомиться у Муравьева. Похлопочите объ этомъ сами если застанете М. М. Сперанскаго. Мнѣ нѣкогда ибо пропасть заботъ. Я ѣду нынче въ Царское село. Возвращусь завтра. Не худо бы послѣ завтра (въ субботу) увидѣться по утра»

Жуковскій ¹⁾.

Слѣдующая за тѣмъ помѣчена 31 декабря 1829 года.

Милостивый Государь
Константинъ Ивановичъ!

«Сердце сердцу вѣсть подаетъ: я хотѣлъ посылать къ вамъ узнать о вашемъ здоровьѣ, а вы сами прислали ко мнѣ и съ такою пріятною вѣстію. Слава Богу! вы насъ было очень испугали. Оправляйтесь и заботьтесь о себѣ какъ можно прилѣжнѣе. Намъ

¹⁾ На оборотѣ: «Милостивому государю Константину Ивановичу Арсеньеву». Какъ въ этой, такъ и въ слѣдующихъ запискахъ сохранено правописаніе подлинниковъ.

вы необходимы во всѣхъ отношеніяхъ. Пока не принуждайте себя къ работѣ, а просто собирайте физическія силы. Ваше дѣло начнется не прежде 1-го Марта и такъ есть время. Я самъ во все это время сидѣлъ дома отъ простуды и гемороя; теперь опять оправился. Какъ скоро улучу время побываю у васъ и переговоримъ. Теперь пока примите отъ меня поздравленіе съ новымъ годомъ и съ нимъ искреннее желаніе чтобы вы были совершенно здоровы, остально(е) все при этомъ само собою найдетъ

честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ
душевно преданный вамъ
Жуковскій.

Безъ года и числа:

«Каковы вы, почтеннѣйшій Константинъ Ивановичъ? Все собираюсь навѣстить васъ. Прошу васъ не трогаться. На масляницѣ вы можете всѣ дни остаться дома. Въ ваши часы займемся мы повтореніемъ и безъ васъ. Между тѣмъ обдумайте взглядъ на всеобщую исторію.»

Въ трехъ запискахъ идетъ рѣчь о Закревскомъ (Арсеніѣ Андреевичѣ, впоследствии графѣ) министрѣ внутреннихъ дѣлъ (съ апрѣля 1828 по февраль 1833 г. ¹⁾), съ которымъ Арсеньевъ сносился по собранію статистическихъ свѣдѣній о Россіи.

1) «Я видѣлся съ Закревскимъ, любезнѣйшій Константинъ Ивановичъ. Это большое для нашего дѣла счастье, что мы ему ввѣрены; онъ будетъ намъ славнымъ помощникомъ. Побывайте у него. Онъ желаетъ переговорить съ вами. Дайте ему общій планъ. Такъ же повидайтесь и съ Тургеневымъ. Не худо было бы вамъ на счетъ Крылова ²⁾ увидѣться съ Блудовымъ, съ которымъ я уже говорилъ.

Вамъ преданный
Жуковскій.

2) «Не трудитесь ходить ко мнѣ по напрасну. Я былъ у Закревскаго и онъ все очень хорошо принялъ. У него самого

¹⁾ Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ, В. Варадинова, часть III, книга I, стр. 10.

²⁾ Изъ другой записки касательно помѣщенія въ университетъ Крылова адъюнктомъ, видно, что здѣсь идетъ рѣчь объ А. Д. Крыловѣ, бывшемъ профессорѣ петербургскаго университета.

готова записка Государю; ждалъ только моей, чтобы согласить съ нею свою. Какъ скоро кончить, то призоветъ васъ. Тогда прошу увѣдомить меня о томъ, что онъ вамъ скажетъ.

Вамъ преданный душевно

Жуковский.

3) «Графъ Толстой согласенъ дать кантонистовъ, почтеннѣйшій Константинъ Ивановичъ. Но такъ какъ намъ надобно держаться Закревскаго, то для формы явитесь къ нему и испросите на это его мнѣнія. Отдайте ему приложенное письмо. Желаю вамъ здоровья. Это главное. Прочее все будетъ и въ успѣхѣ нашего дѣла я увѣренъ. Когда же возвратимся мы въ городъ, то приведемъ все въ порядокъ

Вамъ преданный

Жуковский.

«Я писалъ къ Закревскому, что вы сами явитесь къ Толстому. Побывайте у него отъ моего имени.»

Въ одной запискѣ рѣчь идетъ, какъ можно предполагать, о печатаніи статистическихъ извѣстій, надъ которыми трудился Арсеньевъ для наслѣдника престола:

«Признаюсь, почтеннѣйшій Константинъ Ивановичъ, и меня ваше извѣстіе встревожило. 1000 рублей много и на это отъ себя одного не могу дать разрѣшенія. Нельзя ли какъ придумать вылитогрфировать таблицы? Камни у насъ есть, а литографировать можно и даромъ въ Инженерномъ корпусѣ. Увѣдомьте. Въ такомъ случаѣ заплатимъ за одну бумагу. О деньгахъ же переговорю съ Карломъ Карловичемъ¹⁾ и напишу къ вамъ, какъ скоро получу отъ васъ отзывъ на щетъ литографированія

Вамъ искренно преданный

Жуковский.

«Можетъ бытъ самъ пріѣду въ Петербургъ въ четвергъ или въ пятницу».

Въ описываемое же время Арсеньевъ познакомился съ Д. Н. Блудовымъ (впослѣдствіи графъ). По свидѣтельству ака-

¹⁾ Мердеръ, Карлъ Карловичъ, состоялъ воспитателемъ при особѣ Великаго Князя Наслѣдника. См. Воспоминанія о К. К. Мердерѣ, воспитателѣ Государя Императора Александра II. Биографическій очеркъ (Спб., 1867, въ 8°, 55 стр.)

демика Я. К. Грота, Арсеньеву новѣйшая русская исторія обязана спасеніемъ отъ забвенія извѣстной русскимъ читателямъ до нынѣ не вполне записки Карамзина «О древней и новой Россіи», о чемъ такъ разсказывалъ нашему сочлену графъ Блудовъ: «по кончинѣ императора Александра Павловича, я не нашелъ въ бумагахъ его этой записки, но она отыскана вскорѣ послѣ смерти Аракчеева. Однажды приходитъ ко мнѣ К. И. Арсеньевъ и спрашиваетъ: знаю ли я записку Карамзина о древней и новой Россіи? — Знаю про нее, но не читалъ. — Могу вамъ ее доставить, но не требуйте, чтобы я вамъ сказалъ, откуда я ее имѣю. Вѣроятно, прибавилъ графъ Блудовъ, она нашлась въ бумагахъ Аракчеева: государь, получивъ ее въ Твери отъ Екатерины Павловны, ¹⁾ отправился оттуда прямо въ Грузино, и тамъ могъ оставить ее своему любимцу» ²⁾. Въ запискахъ Н. Греча есть объ этомъ такое объясненіе: записка Карамзина имъ была получена отъ секретаря принца Георгія Ольденбургскаго Ивана Мартыновича Борна, и потомъ передана Арсеньеву, но съ условіемъ, предложеннымъ Борномъ, чтобы не говорить, откуда получилъ онъ ее ³⁾.

Въ февралѣ 1832 года, Блудовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ⁴⁾, а 11 апрѣля того же года онъ писалъ къ Арсеньеву:

«Поспѣшаю сообщить вамъ, почтеннѣйшій Константинъ Ивановичъ, что государь императоръ, по представленію моему, всемилостивѣйше повелѣлъ вамъ быть членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, съ жалованьемъ по три тысячи рублей въ годъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на наши статистическія работы. Поздравляю васъ и министерство отъ всего сердца, прибавляя къ сему поздравленію и другое по христіанскому обычаю въ словахъ: Христосъ воскресе.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи и преданности

Д. Блудовъ.

Понедѣльникъ, 11 апрѣля.

¹⁾ Великой княгини сестры императора Александра I.

²⁾ Отчетъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Академіи Наукъ за 1865 годъ въ С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1866 г. №№ 36, 37.

³⁾ Со словъ К. С. Сербиновича.

⁴⁾ Въ этомъ званіи онъ оставался до 1839 года.

Знакомство Арсеньева съ А. И. Тургеневымъ, начавшееся, какъ видѣли выше, во время преслѣдованій перваго, продолжалось.

«Вы мнѣ обѣщали, писалъ Тургеневъ къ Арсеньеву ¹⁾, виды, слѣдующіе къ матеріаламъ статистики; но они мнѣ не такъ нужны, какъ самая статистика о народонаселеніи, которую вы мнѣ показывали. Нельзя ли ихъ (sic) доставить? Весьма бы обязали сообщеніемъ матеріаловъ, или покрайней мѣрѣ указаніемъ оныхъ по тѣмъ запросамъ, кои къ вамъ, передъ отъѣздомъ вашимъ, доставилъ. Возможно-ли? А мнѣ они очень нужны».

Вотъ запросы Тургенева, сохранившіеся въ бумагахъ Арсеньева:

«Желательно знать: 1) число каждаго рода крестьянъ, то есть: а) сколько крестьянъ вообще, или сколько въ подушномъ окладѣ. Слѣдуетъ опредѣлить: б) сколько казенныхъ, сколько помѣщичьихъ, и изъ сихъ послѣднихъ особенно нужно знать: сколько *на пашнѣ* и сколько *на оброкѣ*? Если сіе не показано въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, то сколько полагаютъ по общему мнѣнію à реи грès? Болѣе-ли на оброкѣ, чѣмъ на пашнѣ? Я слыхалъ, что болѣе на оброкѣ. с) Сколько платится оброку, и сколько подушныхъ? д) Сколько и гдѣ арендныхъ?

«Сколько мѣщанъ и другихъ подлежащихъ подушному окладу (кромѣ крестьянъ); купцевъ по гильдіямъ, и сколько подати съ нихъ?

«Число дворянъ хотя также приблизительно? Сколько государственныхъ доходовъ такъ, какъ они значатся въ росписяхъ? Долговъ и платимыхъ процентовъ? Сколько приписныхъ къ фабрикамъ крестьянъ и, наконецъ, сколько вольныхъ хлѣбопашцевъ?»

Изъ письма А. Тургенева, отъ 28 февраля 1837 года, видно, что онъ взялся доставлять изъ чужихъ краевъ всякаго рода книги и свѣдѣнія по статистической части для вспомошествованія Арсеньеву при преподаваніи статистики Государю Наслѣднику.

¹⁾ Очевидно въ то время, когда Арсеньеву былъ открытъ доступъ къ официальнымъ матеріаламъ по части Статистики, т. е. послѣ апрѣля 1828 года.

VII.

Труды Арсеньева по части статистики. Сочиненія по новой русской исторіи. Болѣзнь, отѣздъ въ Петрозаводскъ и кончина Арсеньева.

Съ поступленіемъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Арсеньевъ печаталъ свои труды въ журналѣ этого вѣдомства. Первою, помѣщенной тамъ статьею было: «Гидрографическо-статистическое описаніе городовъ Россійской имперіи, съ показаніемъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ составѣ и числѣ оныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ, отъ начала XVII столѣтія и донынѣ ¹⁾». Въ выноскѣ при томъ замѣчено, что это «отрывокъ изъ огромнаго труда» Арсеньева, который обѣщался постоянно сообщать свои статьи въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ «Описаніи» извѣстія о состояніи и мѣстоположеніи русскихъ городовъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича заимствованы изъ Книги большаго чертежа 1627 года, съ раздѣленіемъ ихъ на девять разрядовъ по водамъ: сѣверо-двинскимъ, озернымъ (Новгородъ, Псковъ и др.), балтійскимъ, и западно-двинскимъ, днѣпровскимъ, донскимъ, окскимъ, волжскимъ, камскимъ и сибирскимъ. За тѣмъ показаны перемѣны, происшедшія въ составѣ и численности городовъ отъ временъ царя Алексѣя Михайловича до смерти императрицы Елизаветы и заканчивается обзоромъ, подъ заглавіемъ «Измѣненія въ составѣ и числѣ городовъ, происшедшія въ царствованіе Екатерины II ²⁾». Въ этомъ, довольно обширномъ трудѣ, нелегкомъ въ тѣ времена, когда почти не было еще пристулено къ обнародыванію самыхъ необходимыхъ для того историческихъ матеріаловъ, не указаны источники, которыми пользовался авторъ, но можно съ достовѣрностью сказать, что они состояли изъ тѣхъ правительственныхъ постановленій и распоряженій, которыя теперь доступны всѣмъ, благодаря Полному собранію законовъ Россійской имперіи. Въ настоящее время, по-

¹⁾ Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1832 г. часть VI, № 2, стр. 8—30; № 3, стр. 5—28; № 4, стр. 1—23; часть VII, № 5, стр. 1—27; № 7, стр. 1—48; № 9, стр. 1—40.

²⁾ Последняя статья въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 1839 года часть XII, № 4, стр. 1—43; № 5, стр. 129—290.

слѣ того какъ уже издано столько памятниковъ для изученія старинной русской жизни, изслѣдованіе Арсеньева о русскихъ городахъ не имѣетъ особеннаго значенія, но тѣмъ не менѣе оно и теперь не бесполезно при подготовительныхъ работахъ для тѣхъ, кто хочетъ познакомиться съ прошедшимъ русскихъ городовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ 1834 году, Арсеньевымъ напечатаны: «Отрывки изъ путевыхъ записокъ»¹⁾, гдѣ помѣщены бѣглыя замѣтки, историческія и промышленныя, о городахъ и селеніяхъ: Шлюссельбургъ, Ладогъ, Тихвинъ, Устюжнѣ, Везьегонскѣ, Рыбинскѣ, Угличѣ, Сомино, Ярославлѣ, Ивановѣ, Нерехтѣ, Кинешмѣ, Юрьевѣ Поволгскомъ, Пучежѣ, Городцѣ, Балахнѣ, Лысковѣ, Макарьевѣ, Воротынцѣ и Василѣ. Замѣтки оканчиваются описаніемъ вѣзда путешественника въ казанскую губернію. Въ другомъ, подобномъ отрывкѣ, напечатанномъ въ «Библіотекѣ для чтенія»²⁾, описаны Арсеньевымъ преимущественно въ историческомъ отношеніи: Ямбургъ, Нарва, Гдовъ, Псковъ, Изборскъ, Печоры, Псковская губернія, Рига и Ливонія.

Въ I-мъ томѣ «Энциклопедическаго лексикона», изд. Плюшаромъ (1835 г.), въ предисловіи было объявлено, что статьи, тамъ помѣщаемыя по части русской географіи и статистики, будутъ выходить подъ редакціею К. И. Арсеньева и профессора А. Л. Крылова; но во II-мъ томѣ этого изданія, вышедшаго въ томъ же 1835 году, нѣтъ уже имени Арсеньева въ числѣ редакторовъ.

24 января 1835 года, Арсеневъ былъ назначенъ членомъ вновь преобразованнаго графомъ Блудовымъ статистическаго отдѣленія, и съ тѣмъ вмѣстѣ ему поручено управленіе дѣлами и работами его, что продолжалось до 1853 года. Подробности о состояніи и дѣятельности этого учрежденія въ показанный періодъ времени изложены на основаніи оффиціальныхъ источниковъ въ сочиненіи г. Варадинова³⁾.

¹⁾ Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1833 года, часть VIII, № 4, стр. 437—444; часть IX, № 5, стр. 132—142; № 6, стр. 342—350.

²⁾ 1834 г., томъ V, отд. III, стр. 93—120, подъ заглавіемъ «Путевыя записки».

³⁾ Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ часть III, книга 1, стр. 667—671; книга 2, стр. 259—266, 511—520, 654—657, 733—743, книга 3, стр. 110—112, 197, 277, 329—332, 405—406, 474—476, 529—531, 574—578, 656—659.

Въ 1835 же году, Жуковскій представилъ императору Николаю слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ:

«Для преподаванія новѣйшей исторіи російскаго государства нужно будетъ справляться съ подлинными актами, хранящимися въ архивахъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Арсеньевъ представилъ мнѣ списокъ тѣхъ, кои могутъ быть ему потребны: одни находятся въ Государственномъ архивѣ, другіе — въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Испрашиваю всеподданнѣйше высочайшаго позволенія вашего императорскаго величества Арсеньеву — брать нужные ему акты изъ означенныхъ архивовъ подъ свою расписку».

Разрѣшеніе императора на это предложеніе послѣдовало въ іюль 1835 года съ соблюденіемъ однако правила, неуклонно исполняемаго съ самаго учрежденія Государственнаго архива и донинѣ, то есть, чтобы Арсеньевъ пользовался историческими матеріалами «въ самомъ архивѣ, и чтобы они ни подъ какимъ видомъ изъ архива не были выпускаемы».

Арсеньевъ знакомился въ Государственномъ архивѣ съ матеріалами XVIII-го столѣтія до царствованія императора Павла, преимущественно относящимися до исторіи двора и управленія Россіи означеннаго времени. Сверхъ того, онъ дѣлалъ разныя выписки изъ дѣлъ; нынѣ, по желанію сыновей его, онѣ переданы въ собственность и распоряженіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, которое и постановило замѣчательнѣйшія изъ этихъ выписокъ издать въ свѣтъ.

Со 2 мая по 14 ноября 1837 года, Арсеньевъ находился въ свѣтѣ, сопровождавшей Наслѣдника Престола, нынѣшняго Государя нашего, въ его путешествіи по Россіи ¹⁾. По этому поводу, Арсеньевымъ былъ составленъ указатель, въ которомъ изложены были историческія и промышленныя достопримѣчательности каждаго встрѣчавшагося на пути города или селенія, съ поименованіемъ частныхъ лицъ, жившихъ тамъ и сдѣлавшихся извѣстными какими либо полезными предпріятіями. Въ концѣ описанія путе-

¹⁾ Кромѣ Арсеньева, въ свѣтѣ находились: генераль-адъютантъ А. А. Кавелинъ, В. А. Жуковскій; флигель-адъютанты: С. А. Юрьевичъ и В. И. Назимовъ, лейбъ-хирургъ Енохинъ, подпоручикъ графъ Віельгорскій, прапорщики: Адлербергъ и Паткуль.

шествiя Наслѣдника Престола, откуда заимствовано настоящее извѣстiе ¹⁾, читаемъ: «Въ письмѣ къ одному изъ своихъ наставниковъ (Его Высочество и для нихъ умѣлъ еще ловить минуты) вотъ что начерталъ собственною своею рукою Государь Цесаревичъ: «Я своими глазами и вблизи познакомился съ нашей матушкой - Россiею и научился еще болѣе любить и уважать ее. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россiи и называемъ ее своимъ отечествомъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя, именно 21 февраля (5 марта) 1839 года, Государь Цесаревичъ писалъ къ Арсеньеву изъ Вѣны: «Давно собирался я отвѣчать вамъ, любезный Константинъ Ивановичъ, на доброе письмо ваше, которое я получилъ еще въ Римѣ, но доселѣ мнѣ никакъ времени не доставало. Пользуюсь теперь свободной минутой, чтобы отъ души поблагодарить васъ за добрыя чувства ко мнѣ. Сколько разъ вспоминалъ я, во время моего европейскаго странствованiя, наше руссiйское путешествiе, которое на всю жизнь оставитъ мнѣ самое прiятное воспоминанiе. Если увидите П. А. Плетнева, то прошу васъ его поблагодарить за письмо и за присылку книгъ и сказать ему, что мнѣ точно некогда отвѣчать ему. Теперь попали мы изъ итальянской весны въ германскую зиму: переменна довольно необыкновенная, и, признаюсь, не совсѣмъ прiятная; но я чувствую себя, благодаря Бога, совершенно хорошо и прошу васъ, любезный Константинъ Ивановичъ, не забывать васъ отъ души любящаго

Александръ.»

14 марта 1836 года Арсеньевъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Россiйской академiи, и въ «Трудахъ» ея за 1839 годъ (а также отдѣльно) напечатано было сочиненiе его: «Царствованiе Петра II» — замѣчательное тѣмъ, что это былъ первый печатный историческiй трудъ, въ которомъ большая часть извѣстiй основана на источникахъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ. Всѣмъ, занимающимся русскою исторiею XVIII вѣка хорошо извѣстно «Царствованiе Петра II», и безъ упоминанiя

¹⁾ «Путешествiе по Россiи его императорскаго высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича» въ Современникѣ 1838 года, томъ IX, стр. 1—26. Здѣсь также помѣщены отрывки изъ указателя Арсеньева.

о немъ невозможно обойтись, говоря о той эпохѣ. Но въ минуты перваго появленія своего въ свѣтъ, эта книга произвела еще болѣе сильное впечатлѣніе по новости и свѣжести въ первые тогда явившихся въ печати свѣдѣній. Объ этомъ, а также и о состояніи, въ какомъ находилась литература новой русской исторіи за тридцать пять съ небольшимъ лѣтъ до нашего времени, можно представить себѣ по слѣдующимъ отрывкамъ изъ одной обстоятельной рецензіи, напечатанной о сочиненіи Арсеньева въ годъ появленія его въ печати ¹⁾.

«Ничего основательнаго не знали мы до сихъ поръ объ этомъ періодѣ, который начался два года спустя по смерти Петра Великаго и кончился за тридцать два года до Екатерины Великой: книга г. Вейдемейера «Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны», уцѣлѣвшая кое у кого «Записки» Манштейна и пустая книжка «Письма одной знатной англичанки» — вотъ почти все, что издано на русскомъ языкѣ объ этой эпохѣ. Но въ неполномъ, поверхностномъ и краткомъ разсказѣ г. Вейдемейера много промаховъ, и есть ошибки значительныя, какъ доказалъ г. Арсеньевъ; въ «Запискахъ» Манштейна и въ «Письмахъ англичанки» ложный взглядъ на событія, свойственный иностранцу, много выдумокъ чисто романическихъ, которыя для иностраннаго читателя могутъ придать занимательность разсказу, и весьма мало такихъ чертъ, которыя могли бы составить даже рисунокъ этой картины. Г. Арсеньевъ первый представилъ намъ теперь эту эпоху въ настоящемъ, истинномъ ея видѣ. Онъ черпалъ сказанія свои, какъ видно изъ примѣчаній въ его книгѣ, кромѣ «Полнаго собранія законовъ», прямо изъ подлинныхъ актовъ, изъ дѣлъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ имперіи и преимущественно петербургскихъ. Такъ на примѣръ, ему доступны были подлинныя протоколы верховнаго тайнаго совѣта, дѣла слѣдственной комиссіи, учрежденной надъ графомъ Девіеромъ (знаменитою жертвою преслѣдованій Меншикова) со всѣми его документами; подлинныя письма важнѣйшихъ государственныхъ лицъ того времени; процессъ царевича Алексѣя Петровича; слѣдственное

¹⁾ Отечественныя записки 1839 года, томъ VI, отдѣленіе VII, стр. 15—23.

дѣло о княгинѣ Волконской, бывшей главою партіи, которая стремилась къ униженію царевнѣ Іоаннова дома, также и любимцевъ Анны Іоанновны — Бирона и Левенвольда; трактаты Россіи съ Китаемъ и Пруссією; слѣдственное дѣло о Вольнскомъ; процессъ надъ А. Л. Нарышкинымъ; дѣло о князьяхъ Долгорукихъ; дѣло по донесенію казака Козьмина, и прочіе акты, болѣею частію находящіеся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и неизвѣстные ни публикѣ, ни русскимъ ученымъ — истинная сокровищница, которая, въ книжкѣ г. Арсеньева, въ первый разъ раскрываетъ предъ нами неисчислимыя и недоступныя намъ богатства свои... Возьмите какую угодно часть книги г. Арсеньева — каждая расскажетъ вамъ множество самыхъ любопытныхъ фактовъ, которые должны измѣнить ваше мнѣніе о томъ или другомъ лицѣ, о томъ или другомъ событіи. Напримѣръ, во всѣхъ нашихъ историческихъ книгахъ, даже въ учебникахъ, вы найдете всегда блѣдное изображеніе Меншикова, о которомъ скажутъ вамъ, что Меншиковъ былъ «искусный военачальникъ» что онъ «съ успѣхомъ предводительствовалъ русскими войсками въ Помераніи», былъ президентомъ военной коллегіи, имѣлъ такіе-то и такіе-то ордена; происходилъ такими-то и такими-то чинами; но что его грызло «ненасытное честолюбіе» и т. д. Какое понятіе получите вы изъ этого ложнаго взгляда на великаго человѣка, изъ этого близорукаго обсуживанія подвиговъ его жизни? Вы подумаете, что это былъ человѣкъ почти ничтожный по душѣ, корыстолюбивый, вредный для Россіи, хотя иногда и предводительствовалъ войсками «съ успѣхомъ»... Не такимъ изображаетъ его г. Арсеньевъ, основавшій свое изображеніе на достовѣрныхъ фактахъ, которые умѣлъ онъ обсудить умомъ свѣтлымъ, основательнымъ»... (Слѣдуетъ выписка изъ «Царствованія Петра II о Меншиковѣ»). «Такъ смотритъ на историческія лица и дѣянія ихъ историкъ глубокомысленный; такъ и должно смотрѣть на «величайшихъ мужей исторіи!» Нашимъ фразерамъ-историкамъ, разумѣется, недоступны подобныя воззрѣнія... Въ заключеніе не можемъ не обратиться къ г. Арсеньеву съ покорнѣйшею просьбою: если ужъ судьба дозволила ему ознакомиться съ подлинными актами важнѣйшей эпохи въ нашей исторіи, то пусть раздѣлитъ онъ съ нами свои драгоценныя приобрѣтенія... Исторія

русская пока только на одного г. Арсеньева может возлагать свои надежды, и потому отъ лица всѣхъ любителей отечественной исторіи просимъ его оправдать эти надежды»

Въ изданныхъ въ 1839 году статистическимъ отдѣленіемъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ «Матеріалахъ для статистики російской имперіи» помѣщены двѣ статьи Арсеньева: «Объ устройствѣ управленія въ Россіи съ XV до исхода XVIII столѣтія» (Отдѣленіе I, стр. 3—82) и «Мысль объ усовершенствованіи полотеннаго производства въ Россіи» (отдѣленіе V, 15). Въ послѣдней, для возстановленія полотнянаго производства въ ярославской губерніи, предлагается учредить казенную фабрику и черезъ пять лѣтъ передать ее частной компаніи на акціяхъ.

Въ томъ же 1839 году, Арсеньевымъ приготовлено было къ печати «Царствованіе Екатерины I», которое однако, оказалось возможнымъ издать въ свѣтъ только по вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Въ 1841 году изъ російской академіи преобразовано было отдѣленіе русскаго языка и словесности при Академіи наукъ, и въ число ординарныхъ академиковъ его назначенъ былъ тогда и Арсеньевъ. Въ первый же годъ существованія отдѣленія, министръ народнаго просвѣщенія поручалъ этому учрежденію рассмотреть въ рукописи означенный трудъ Арсеньева. Академики Плетневъ и Беренниковъ, взявшіе на себя это порученіе, отзывались о немъ съ похвалами, но высказали при томъ нѣсколько цензурныхъ замѣчаній для соображеній автора ¹⁾. Кажется, что разныя временныя преграды и затрудненія, представлявшіяся Арсеньеву при обнародываніи трудовъ по новой русской исторіи, охладили въ немъ охоту продолжать далѣе работы по этой части. Покрайней мѣрѣ, зная теперь собраніе матеріаловъ Арсеньева, можно съ увѣренностью сказать, что онъ не продолжалъ заниматься новою русскою исторіею отнюдь не по недостатку источниковъ.

Въ 1844 году, Арсеньевъ помѣстилъ въ Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ «Исслѣдованія о численномъ отношеніи половъ въ народонаселеніи Россіи» ²⁾ и въ томъ же году объ-

¹⁾ Отчеты Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за первое десятилѣтіе съ его учрежденія, Спб. 1852 года, стран. 26, 27.

²⁾ Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ 1844 г., часть V, стр. 5—47.

бхалъ значительную часть Россіи, имѣя въ виду собранія свѣдѣній для статистическаго комитета. Нѣкоторыя выдержки изъ путевыхъ его замѣтокъ напечатаны тогда же: «Село Иваново»; «О городѣ Шуѣ» и «О юговосточной Россіи» (губерніи: пензенская, симбирская, казанская, вятская, оренбургская, саратовская, воронежская, курская, харьковская, полтавская и черниговская¹⁾).

Въ 1848 году, Арсеньевъ напечаталъ «Статистическіе очерки Россіи». Здѣсь въ предисловіи онъ объяснялъ: «книга, представляемая мною на судъ публики, можетъ считаться только какъ бы опытомъ или трудомъ предварительнымъ, нужнымъ для поясненія работъ дальнѣйшихъ. Степень вниманія людей просвѣщенныхъ къ моему книгѣ укажетъ то, въ какой мѣрѣ пригоденъ трудъ мой въ пользу общую и нужно ли обнародываніе другихъ работъ моихъ, готовыхъ уже къ печати». Точка зрѣнія автора, которая проведена послѣдовательно во всѣхъ очеркахъ, видна изъ словъ его при разсмотрѣніи границъ Россіи: «часто невыгоды въ одномъ отношеніи вознаграждаются или перевѣшиваются преимуществами въ другомъ». Въ первомъ очеркѣ опредѣляются выгоды и невыгоды границъ Россіи въ отношеніяхъ: физическомъ, коммерческомъ, политическомъ и военномъ. Во второмъ — «постепенное приращеніе Россіи въ пространствѣ» объясняется, въ чье царствованіе и на сколько именно квадратныхъ миль увеличивалась русская территорія, занимавшая при Рюрикѣ 8,000 а въ 1848 г. 367,112 □ миль. Въ третьемъ очеркѣ, на основаніи различныхъ указовъ, инструкцій и другихъ оффиціальныхъ актовъ излагается «Постепенное устройство губерній». Это сводъ таблицъ, по которымъ раздѣлялась имперія на губерніи, провинціи, намѣстничества и уѣзды въ 1708, 1719, 1745, 1766, 1785 и 1795 годахъ. Въ концѣ находится табель распредѣленія губерній и областей въ 1848 году, съ обозначеніемъ ихъ пространства и числа жителей. Въ четвертомъ — «топографическое разсмотрѣніе Россіи по климату и качеству почвы» авторъ исчисляетъ всѣ видоизмѣненія условій климата и мѣстности по пространствамъ и губерніямъ. Послѣдній очеркъ, занимающій боль-

³⁾ Жур. мин. вн. дѣлъ, 1844 г., часть VII, стр. 132—136; 186—192; 424—439; часть VIII, стр. 236—246; 483—510.

шую половину книги, по богатству собранныхъ въ немъ статистическихъ матеріаловъ превосходить всѣ прочіе. Поземельное богатство Россіи опредѣляется также по пространствамъ и губерніямъ посредствомъ исчисления по официальнымъ свѣдѣніямъ: 1) числа десятинъ, занятыхъ усадьбами и выгонами, пашнею, лугами и лѣсами; 2) средняго урожая хлѣба и картофеля; 3) количества лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, козъ, буйволовъ, муловъ и ословъ, и вообще всего нужнаго для опредѣленія степени развитія хлѣбопашества, скотоводства, звѣроловства, судоплаванія, лѣсныхъ, рыбныхъ и другихъ промысловъ¹⁾.

«Статистическіе очерки» сначала было явились при слѣдующемъ посвященіи Наслѣднику Цесаревичу:

«Ваше Императорское Высочество.

«Пріемлю смѣлость украсить книгу мою августѣйшимъ именемъ Вашего Высочества. Прошу и надѣюсь милостиваго вниманія вашего къ труду моему не по важности и достоинству его, но по усердію, меня одушевлявшему, и по цѣли, съ какою онъ предпринять. Цѣль труда моего есть польза общая; я желалъ, по мѣрѣ силъ моихъ, содѣйствовать распространенію свѣдѣній о великомъ отечествѣ нашемъ — любить Россію есть священная обязанность каждаго русскаго, а любить съ сознаниемъ, съ убѣжденіемъ можно тогда только, когда мы знаемъ ее, когда изучили минувшія и настоящія судьбы ея, когда достойно оцѣнили мощь и силу народа и его недуги, и когда вполне убѣждены въ благодѣтельныхъ на него дѣйствіяхъ правительства, руководимаго сильною волею и мудростію самодержца.

«Вы любите Россію искренно — я помню, съ какимъ одушевленіемъ бесѣдовали Вы о величій Россіи и о великихъ подвигахъ, въ разныя времена совершенныхъ русскими, съ какимъ любопытствомъ наблюдали Вы каждое движеніе на поприщѣ совершенствованія и образованія, и съ какимъ участіемъ скорбѣли о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа. Время, когда я имѣлъ счастье бесѣдовать съ Вами о судьбахъ отечества, останется для меня на вѣки незабвеннымъ».

¹⁾ Отечественныя записки 1848 года томъ LVIII, отд. VI, стр. 64—67.

Въ годъ выхода «Статистическихъ очерковъ» былъ учрежденъ высшій цензурный комитетъ, извѣстный подъ именемъ «комитета 2 апрѣля 1848 года» и состоявшій подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина ¹⁾. Главнѣйшею обязанностью его было слѣдить за всѣми недосмотрами обыкновенной цензуры. По выходѣ уже въ свѣтъ сочиненія Арсеньева, въ комитетѣ было обращено вниманіе на заключеніе выписаннаго выше посвященія, въ слѣдствіе чего оно подверглось перепечатано во всѣхъ экземплярахъ, пущенныхъ въ продажу ²⁾. Отъ этого «Статистическіе очерки» съ первоначальнымъ посвященіемъ составляютъ нынѣ рѣдкость, которую однако русская бібліотека нашей Академіи имѣетъ.

Арсеньевъ былъ въ числѣ лицъ, которыя въ 1845 году ходатайствовали предъ правительствомъ, чрезъ посредство нынѣшняго президента Академіи наукъ, графа Ѳ. П. Литке, объ учрежденіи русскаго географическаго общества. Въ I-й книжкѣ Записокъ его помѣщена статья Арсеньева: «Историко-статистическое обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи».

Въ Ученыхъ запискахъ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи наукъ, въ книгѣ I, 1854 г. ст. 1—32, напечатанъ Арсеньевымъ «Историко-статистическій очеркъ народной образованности въ Россіи»; въ книгѣ II, выпускъ 1, 1856 года, стр. 161—251: «Царствованіе Екатерины I». Объ этомъ трудѣ было уже говорено выше: оно, подобно «Царствованію Петра II», занимаетъ и доннынѣ видное мѣсто въ исторической литературѣ о Россіи первой половины XVIII вѣка: — имъ пользуются всѣ изслѣдователи, когда приходится говорить объ этой эпохѣ, такъ какъ и здѣсь помѣщено не мало свѣдѣній изъ дѣлъ Государственнаго архива. Находящаяся въ томъ же изданіи Академіи (книга

¹⁾ Комитетъ этотъ закрытъ вскорѣ послѣ возшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича, именно въ 1856 году. См. «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи» Спб. 1862 г., стр. 55.

²⁾ Объ этомъ обстоятельствѣ есть также упоминаніе въ Выдержкахъ изъ Записокъ Н. Греча (Русскій архивъ изд. г. Бартевымъ, 1871 г., № 6, стр. 0262): «Въ 1848 г., будучи уже тайнымъ совѣтникомъ и членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, Арсеньевъ подвергся немилости по донесенію предсѣдателя секретной цензуры, Д. Бутурлина, за одно выраженіе въ письмѣ, при которомъ онъ поднесъ свою книгу одному высокому лицу; но этотъ гнѣвъ не имѣлъ вредныхъ для Арсеньева послѣдствій»...

IV, 1858 г. стр. 1—40) статья «Высшія правительственныя лица временъ царя Михаила Ѳедоровича» есть послѣдняя статья, напечатанная Арсеньевымъ. Съ 1861 года, тяжкая болѣзнь совершенно разстроила его физическія и моральныя силы. Разбитый параличемъ, онъ, въ 1864 году, перевезенъ былъ въ Петрозаводскъ къ старшему его сыну Юлію Константиновичу, гдѣ и скончался 29 ноября 1865 года. Онъ похороненъ въ кладбищенской церкви въ Петрозаводскѣ.

Арсеньеву еще при жизни выпала счастливая доля, которая не всегда достается въ удѣлъ писателю: идеи, за которыя его преслѣдовали въ молодости, осуществляются по волѣ Того, кому онъ въ юности Его рассказывалъ о прошедшихъ судьбахъ роднаго народа и о настоящемъ состояніи его. Дѣятельность Арсеньева, какъ писателя и наставника, безупречна, и многимъ въ Россіи извѣстно, что онъ не отказывался подавать руку помощи впавшимъ въ несчастіа.

Кромѣ званій, о которыхъ было говорено въ настоящемъ очеркѣ, Арсеньевъ состоялъ: членомъ-корреспондентомъ Академіи наукъ съ 29 декабря 1826 г.; 25 февраля 1833 года — дѣйствительнымъ членомъ общества исторіи и древностей въ Москвѣ; почетнымъ членомъ петербургскаго и казанскаго университетовъ съ 20 декабря 1837 года. По службѣ, онъ достигъ чина тайнаго совѣтника и имѣлъ ордена Станислава, Анны и Бѣлаго орла первыхъ степеней и св. Владиміра второй степени. При возведеніи въ дворянское достоинство Арсеньевъ получилъ слѣдующій гербъ: щитъ, раздѣленный вертикально на двое; въ верхней половинѣ двѣ части: въ правой, въ красномъ полѣ три звѣзды, расположенныя въ видѣ треугольника, въ лѣвой, въ золотомъ полѣ кадуцей Меркурія; въ нижней половинѣ щита, въ синемъ полѣ географическій глобусъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка отставнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена Св. Владимира 2-й ст. большаго креста и Св. Анны кавалера, Рунича.

20 лѣтъ общае мнѣніе тяготитъ меня, и всѣ почитаютъ меня виновникомъ соблазнительнаго событія въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1823 году ¹⁾. Не я, не Руничъ, виновать въ этомъ дѣлѣ! Здѣсь открыта вся истина.

Бывъ назначенъ въ 1819 году членомъ главнаго училищъ правленія, я переѣхалъ съ многочисленнымъ семействомъ моимъ въ іюніѣ того жъ года въ С.-Петербургъ, и занялъ мѣсто мое въ собраніяхъ правленія, подъ предсѣдательствомъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына. Членами правленія, вмѣстѣ со мною, были попечители: Дерптскаго университета графъ Ливень, С.Петербургскаго Уваровъ, Харьковскаго Карнѣевъ, Казанскаго Магницкій, ректоръ духовной академіи архимандритъ; потомъ епископъ Ревельскій Филаретъ, оберъ-прокуроръ синода князь Мещерскій, дѣйствительные статскіе совѣтники: академикъ Фуссъ, Мартыновъ, графъ Лаваль, Штеръ и коллежскій совѣтникъ Адеркастъ; докладывавалъ директоръ департамента, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ. Вскорѣ потомъ я назначенъ членомъ ученаго комитета, который составленъ былъ изъ членовъ правленія: графа Лавала, Фусса и Мартынова. Министръ назначалъ дѣла къ разсужденію, а въ ученомъ комитетѣ предварительно разсматривались представленія попечителей по ученой и учебной части, программы университетовъ и книги — ученые и учебныя, какъ равно и всѣ сочиненія, посвящаемыя высочайшему имени; а за тѣмъ вносились на разсужденіе и опредѣленіе главнаго правленія училищъ, вмѣстѣ съ мнѣніями членовъ.

Первая книга русская, присланная ко мнѣ, была: «Естественное право» профессора Царскосельскаго лицея Куницына, по которой онъ преподавалъ въ лицѣ Естественное право и испрашивалъ, чрезъ директора лицея Энгельгардта, дозволеніе министра посвятить ее высочайшему имени.

Прочитавъ ее, я не зналъ чему болѣе удивляться: теоріи ли сего сборника антихристіанскихъ и антимонархическихъ нелѣпостей — или намѣренію Куни-

¹⁾ Слѣдуетъ читать въ 1821 году.

цына посвятить его высочайшему имени государя, православнаго и самодержавнаго! Написавъ мое мнѣніе, я предварительно сообщилъ его князю Голицыну, который признавъ его уважительнымъ, предложилъ на заключеніе главнаго училищъ правленія. Книга Куницына единогласно признана всѣми членами и министромъ вредною; преподаваніе по оной воспрещено; экземпляры напечатанные опредѣлено по возможности отобрать. Куницынъ удаленъ отъ преподаванія.

Безкорыстное мнѣніе мое, какъ христіанина и вѣропопданнаго, основывающаго всѣ поступки и дѣйствія свои на началахъ христіанскихъ и монархическихъ, не могло быть подозрительнымъ! Я не добивался ни мѣста директора лицея, ни департамента просвѣщенія. Все утверждалось мнѣніемъ главнаго правленія училищъ и министра. Не я одинъ призналъ философію Куницына для юношества вредною и опасною: она признана таковою правленіемъ и министромъ, который одинъ имѣлъ власть окончательно дѣйствовать.

Мнѣніе мое о Естественномъ правѣ Куницына и вообще о философіи возбудило противъ меня и между учеными и неучеными многихъ злѣйшихъ и сильныхъ враговъ. Я остался вѣрнымъ совѣсти и присягѣ и, какъ членъ судья, а не администраторъ, по всѣмъ предметамъ, которые мнѣ приходилось обсуживать, просто и безъ всякихъ видовъ излагалъ мои понятія, судя только мысли и предметы, а отнюдь не касаясь личностей. Впрочемъ, я вовсе не имѣлъ личнаго знакомства съ петербургскими учеными и не находился въ связи съ моими товарищами, избѣгая во всю жизнь духа партій: и въ совѣщаніяхъ и въ преніяхъ правленія приставалъ всегда къ тѣмъ только мнѣніямъ, которыя, по совѣсти, считалъ справедливыми и безкорыстными. Никакихъ реформъ и новизнъ я не предлагалъ и оставался при моихъ понятіяхъ, когда они не согласовались съ понятіями членовъ, моихъ товарищей. Князь Голицынъ постоянно оказывалъ довѣренность къ моральному моему характеру.

Когда составленный попечителемъ петербургскаго округа, нынѣ министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ, уставъ для петербургскаго университета былъ единогласно отвергнутъ въ главномъ училищъ правленіи, попечитель Уваровъ немедленно потребовалъ увольненія отъ должности. Мое мнѣніе о семъ уставѣ было самое короткое: если бы излагать полное, надобно бы было признать весь уставъ совершенно несвойственнымъ русскому университету. Онъ былъ просто слѣпокъ съ тогдашнихъ нѣмецкихъ либеральныхъ университетовъ. Такъ какъ гр. Уваровъ отказался, вмѣстѣ съ подачею просьбы объ увольненіи, отъ управленія университетомъ и округомъ, то совершенно противъ воли и желанія моихъ, князь Голицынъ предписалъ мнѣ управлять университетомъ и округомъ. Это свидѣтельствуютъ акты, и въ истинѣ того, ссылаюсь на самого князя Голицына и на его совѣсть. Я долженъ былъ, хотя противъ воли, повиноваться!

Вступая въ должность, я нашелъ дѣйствительно и учебную и нравственную части въ невѣроятномъ безпорядкѣ. Если акты и донесенія мои министру не истреблены въ дѣлахъ университета и министерства, они свидѣтельствовать то могутъ; какъ равно свидѣтельствуютъ документы, сохранившіеся въ собственныхъ моихъ бумагахъ. Болѣе году я управлялъ университетомъ и округомъ, ограждая личную отвѣтственность мою представленіями министру князю Голицыну, и не переставая просить увольненія; въ чемъ содѣлаться могу на собственноручныя его ко мнѣ письма.

По назначеніи меня управлять университетомъ вмѣсто гр. Уварова, князь Голицынъ не переставалъ обращать вниманіе мое на неблагонадежность профессоровъ и худое состояніе университета, обнаруживая самое невыгодное мнѣніе: о преподаваніи, преподавателяхъ и студентахъ. Отъ кого онъ получалъ сии свѣдѣнія мнѣ неизвѣстно; но полагаю могу, что доводилъ ихъ до

князя директоръ университета Кавелинъ; а можетъ быть и другое лицо. Я съ моей стороны не переставалъ просить увольненія отъ управленія.

Повторяя при всякомъ случаѣ сіе желаніе и ограничась однимъ посредничествомъ въ дѣлахъ текущихъ, по возвращеніи Императора Александра изъ-за границы, я настоятельно просилъ уволить меня отъ управленія университетомъ; ибо въ званіи управляющаго не почиталъ себя въ правѣ распоряжаться какъ непосредственный начальникъ. Князь министръ объявилъ мнѣ: что Его Величество изволилъ отозваться, что не нося званія почитателя, я, какъ управляющій, нисколько не стѣсняюсь въ моихъ дѣйствіяхъ и не могу уклоняться отъ отвѣтственности. Я долженъ былъ войти во всѣ подробности управленія университетомъ и всѣми учебными заведеніями столицы и округа; но до самаго удаленія меня отъ должности въ 1826 году и преданія суду, въ званіи почитателя я утвержденъ не былъ.

Не задолго предъ увольненіемъ предмѣстника моего гр. Уварова, въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ произошло между воспитанниками сопротивленіе, по случаю удаленія отъ преподаванія въ пансіонѣ извѣстнаго Кюхельбекера. Директоръ Кавелинъ и князь Голицынъ приписывали происшедшее возмущеніе, зачинщикомъ котораго былъ братъ поэта Пушкина, свободомыслію и духу преподаванія; и князь Голицынъ не переставалъ понуждать меня къ принятію рѣшительныхъ мѣръ, чтобъ положить конецъ разстройству вѣрренныхъ управленію моему учебныхъ заведеніяхъ.

Въ сіе время ректоромъ университета былъ профессоръ Болугьянскій. Профессоры: Раупахъ преподавалъ исторію; Лодій—права; Германъ—статистику; Галичъ—философію; Болугьянскій—политическую экономію; русскіе профессеры и адъюнкты занимали кафедры наукъ положительныхъ. Профессоры: Шармуа и Деманжъ преподавали восточные языки; ученый профессоръ Грефе—греческій и латинскій языки.

Чтобъ получить прямое понятіе о духѣ преподаванія, нравственности и успѣхъ студентовъ, я долженъ былъ обратиться къ директору университета Кавелину, какъ непосредственному начальнику онаго; и потому потребовалъ его мнѣнія, какъ о лицахъ, такъ и о составѣ университета; ибо кромѣ слуховъ и отзывовъ князь Голицына о разстройствѣ университета, гимназій и другихъ училищъ, я не имѣлъ въ рукахъ моихъ никакихъ документовъ, по которымъ сдѣлать могъ бы заключеніе. Успѣхи въ учености дѣйствительно оказались ничтожными. Изъ 70-ти человекъ студентовъ университета едва третья часть могла носить сіе имя. Что касается нравственности ихъ, я долженъ былъ положиться на оцѣнку и мнѣніе непосредственнаго ихъ начальника, директора Кавелина, который мимо меня имѣлъ прямые сношенія съ министромъ. Всѣ официальные бумаги и отзывы г. Кавелина, основаны были на убѣжденіи, которое вполне раздѣлялъ съ нимъ князь Голицынъ: что ученіе въ университетѣ, гимназій и благородномъ пансіонѣ самое вредное, свободомысліе и нравственность необузданныя! Все это можно видѣть изъ актовъ, буде они не истреблены.

Доведя всѣ безъ изыятія, собранныя мною свѣдѣнія, до главнаго моего начальника, я отозвался: что при введеніи строгаго надзора не трудно будетъ повѣрить поведеніе и нравственность; что же касается до духа преподаванія и теорій, на коихъ оно основано, никакого о нихъ заключенія сдѣлать невозможно, не имѣя въ рукахъ профессорскихъ лекцій или книгъ, по коимъ они преподаютъ и тетрадей студентовъ. Князь Голицынъ разрѣшилъ мнѣ вытребовать ихъ, и я отнесся вслѣдствіе того къ директору Кавелину, поручивъ ему потребовать у профессоровъ ихъ программы и книги и отобрать у студентовъ тетради ихъ, какъ непосредственному начальнику студентовъ. Онъ представилъ мнѣ нѣсколько полныхъ студентскихъ тетрадей и нѣсколько от-

дѣльных листовъ по всѣмъ кафедрѣмъ, изъяснивъ, что у большей части студентовъ никакихъ тетрадей и записокъ по предмету философіи, исторіи, правъ и политической экономіи не оказалось; вмѣстѣ съ ними представилъ нѣсколько профессорскихъ тетрадей; печатныя книжки: географію и статистику адъюнкта Арсеньева и другихъ преподавателей; какъ равно отзывъ профессора Германа, что онъ преподавалъ безъ письменной программы и записокъ, изъ головы, что впрочемъ воспрещено уставами русскихъ университетовъ. Все сіе, въ подлинникахъ, представлено отъ меня министру, и по заключенію главнаго училищъ правленія опредѣлено: составить, подъ предсѣдательствомъ директора университета, изъ неприкосновенныхъ къ дѣлу профессоровъ комитетъ, которому поручено сдѣлать извлеченіе изъ тетрадей и бумагъ профессорскихъ и студентскихъ, и представить съ мнѣніемъ моимъ министру. При началѣ слѣдствія, ректоръ Болугьянскій подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности и университета. Мѣсто его заступилъ заслуженный профессоръ Зябловскій, какъ старшій. Выписки и синоптический сводъ изъ студентскихъ тетрадей сдѣланы и вмѣстѣ со всѣми подлинными актами представлены министру. Князь Голицынъ предоставилъ дѣло на заключеніе главнаго училищъ правленія. Какъ членъ онаго и начальникъ университета, я былъ въ законномъ правѣ дѣлать съ моей стороны замѣчанія и представлять поясненія. Главное училищъ правленіе въ общемъ собраніи опредѣлило: изъ совѣта и правленія университета, подъ предсѣдательствомъ моимъ, составить университетскій судъ; призвать въ оный профессоровъ: Рауха, Германа, Галича и адъюнкта Арсеньева и допросить ихъ въ присутствіи, по составленнымъ въ министерствѣ и препровожденнымъ ко мнѣ пунктамъ, особо для каждаго преподавателя. Какъ я не уклонялся отъ сего, вовсе несовмѣстнаго назначенія, и не представлялъ, что по коренному юридическому правилу, одно и тоже лице не можетъ быть и обвинителемъ и судьей, меня отъ непосредственнаго вліянія на университетскій судъ не освободили. Это свидѣтельствуетъ прилагаемое здѣсь въ копіи собственноручное письмо князя Голицына. Всѣ члены правленія во всемъ согласны были съ мнѣніемъ министра, директора департамента Пшова и попечителя казанскаго университета Магницкаго, принимавшаго особенное въ семъ дѣлѣ участіе. Судъ университетскій могъ одинъ только разъ имѣть мѣсто! Онъ представлялъ безобразное подражаніе англійскихъ митинговъ! Начался до полудни, кончился ничѣмъ, въ три часа за полночь! Призванные въ судъ профессора отказались отвѣчать въ присутствіи на вопросные пункты, присланные отъ министра. Я не могъ унижить опредѣленія придержащей власти и объявилъ, что не закрою присутствія, доколѣ подсудимые не напишутъ отвѣтовъ на вопросные пункты министерства, или не дадутъ подписокъ, что они отвѣчать на нихъ письменно въ присутствіи не могутъ или не хотятъ! Большая часть русскихъ профессоровъ и французы присоединились къ объявленному мною мнѣнію: нѣмцы и французы Шармуа и Деманжъ составили упорную оппозицію. Безобразное засѣданіе и разглашенія въ пользу обвиненныхъ главнымъ училищъ правленіемъ профессоровъ обратили на меня одного и злобу и ненависть въ городѣ. Ложь и клевета не довольствовались преувеличиваніемъ и искаженіемъ фактовъ: онѣ приписывали мнѣ личныя виды, интригу и намѣреніе выслужиться! На другой день я донесъ князю Голицыну о всемъ происходившемъ въ засѣданіи. Собственноручное письмо его ко мнѣ, въ копіи у сего прилагаемое, свидѣтельствуетъ, какъ онъ смотрѣлъ тогда на самое дѣло! На другой день онъ объявилъ мнѣ, что довелъ до свѣдѣнія Государя Императора подробности засѣданія, и что Его Величество изволило отозваться «жалъ, что я въ такомъ святомъ дѣлѣ погорячился». Какъ эту высочайшую мысль понимать должно; не смѣю испытывать! Но я не горячился, не оскорблялъ личностей, а почиталъ

только священной обязанности заставить подсудимыхъ, правильно или не правильно они преданы высшимъ начальствомъ суду, исполнить начальствомъ требуемыя отъ нихъ законныя обязанности. Въ слѣдъ за каррикатурнымъ за сѣданіемъ, многіе профессора прислали мнѣнія о невинности обвиненныхъ главнымъ училищъ правленіемъ и при подписаніи протокола остались при своихъ мнѣніяхъ. Подлинное опредѣленіе университетскаго суда представлено министру князю Голицыну; отъ него передано на рѣшительное заключеніе и опредѣленіе главнаго училищъ правленія.

Я опять просилъ князя министра уволить меня отъ присутствія по сему дѣлу и подписанія рѣшительнаго опредѣленія, но всѣ доводы мои, что непосредственное участіе мое въ семь дѣлъ отнимаетъ у него въ юридическомъ отношеніи всю силу и законность, остались тщетными. вмѣстѣ со всѣми членами я долженъ былъ присутствовать и подписать осуждающій профессоровъ приговоръ главнаго училищъ правленія. Онъ лучше всякаго изложенія можетъ служить неподдѣльнымъ свидѣтельствомъ, какое понятіе о семь дѣлахъ имѣлъ министр и члены, и съ какой точки первый смотрѣлъ тогда на сію уродливую инквизицію. Акты, буде они не истреблены, лучше всѣхъ моихъ напряженной памяти, послѣ 20-ти лѣтъ при составленіи сей записки, равнобѣрно служить должны доказательствами къ оправданію меня въ клеветѣ. Я долженъ былъ по совѣсти и присягѣ обнаружить то, что я находилъ въ дѣлахъ государственномъ вреднымъ, отвѣтствуя и предъ совѣстію моею и предъ моимъ Государемъ и закономъ за послѣдствія ввѣреннаго мнѣ управленія; но за распоряженія вышшаго моего начальства, собственно имъ придуманныя и мнѣ предписанныя къ исполненію мѣры, одинъ я исключительно осужденъ быть не могу. Если бы я могъ предвидѣть пагубныя для меня послѣдствія безкорыстнаго моего усердія, я долженъ бы былъ рѣшительно отказаться и отъ управленія с.-петербургскимъ университетомъ, и отъ порученнаго мнѣ слѣдствія, и отъ участія въ судѣ университета и правленія, и горькая чаша прошла бы мимо меня; но, посвятивъ всю жизнь службѣ двухъ государей, личныхъ моихъ благодѣтелей, могъ ли я въ святомъ общественномъ дѣлѣ думать только о личной моей безопасности и выгодахъ? Насильственнаго участія въ судѣ, по всей истинѣ, ни въ какомъ отношеніи мнѣ не слѣдовало принимать, но могъ ли я также остановить распоряженія министра и мнѣніе его, къ которому пристали всѣ члены правленія? Не долженъ ли я былъ смотрѣть на себя какъ на подчиненнаго только исполнителя высшей власти, облеченнаго только властію непосредственнаго моего начальника? Судьбу бывшаго университета и осужденныхъ преподавателей рѣшилъ не я, а министръ и главное училищъ правленіе—не по тайному моему извѣту, а по долговременномъ изслѣдованіи дѣла, по документамъ, неподлежащимъ сомнѣнію! Что же вышло? Вѣрность моя моему Государю и совѣсти послужили только къ обращенію на меня высочайшаго гнѣва царствующаго Государя Императора! Министръ и члены правленія устранили отъ всякой отвѣтственности, одинъ я преданъ послѣднему бѣдствію какъ подкупленный, презрѣнный доносчикъ и клеветникъ!

При полученіи ордена св. Владиміра 2-й ст., я имѣлъ несчастіе видѣть не-благоволеніе лично ко мнѣ Государя Великаго Князя, нынѣ благополучно царствующаго Императора, изъявленное мнѣ, когда я приносилъ благодареніе за полученіе ордена.—Его Императорское Высочество изволилъ только отозваться съ милостивымъ благоволеніемъ на счетъ адъюнкта Арсеньева, удаленнаго по суду главнаго училищъ правленія изъ университета. Я съ горестію довелъ о томъ до свѣдѣнія князя Голицына, и онъ отозвался съ увѣренностію, что я не долженъ тѣмъ огорчаться! Когда же онъ оставилъ вназачно министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, я изъявилъ

мое удивленіе и предчувствіе ожидающихъ меня преслѣдованій. Онъ на сіе замѣтилъ, что отношенія его къ Императору ни сколько отъ удаленія его отъ министерства не измѣняются; что до меня собственно касается, правила и служба моя извѣстны Его Величеству, и я не имѣю причины чего либо опасаться.

Во время управленія министерствомъ адмирала Шишкова, я встрѣтилъ по службѣ многія непріятности отъ сопротивленія нѣкоторыхъ изъ моихъ подчиненныхъ и противудѣйствія новаго начальства; наконецъ высочайшимъ указомъ 25 іюня 1826 года удаленъ отъ должности, подверженъ слѣдствію и преданъ суду за допущенный въ отчетности безпорядокъ и несообразныя дѣйствія.

Ни при вступленіи на престолъ Его Императорскаго Величества, ни при семъ случаѣ, князь Голицынъ, собственноручныя письма котораго свидѣлствуютъ и мнѣніе его на мой счетъ и довѣренность къ моимъ правиламъ, не защитилъ меня отъ подозрѣнія въ клеветѣ предъ великодушнымъ монархомъ, чтобъ оградить только себя отъ всякой отвѣтственности въ дѣлѣ безобразномъ и насильственномъ, хотя, впрочемъ, справедливомъ, но въ которомъ личности болѣе всего въ соображеніе принимались; и предалъ меня въ жертву гнѣва Его Величества и всѣхъ бѣдствій, угнѣтающихъ меня 17-й годъ! Если бы изъ всѣхъ подлинныхъ актовъ, буде они съ намѣреніемъ не истреблены нынѣ, даже сдѣлано было снова безпристрастное изслѣдованіе—невинность моя въ приписываемой мнѣ клеветѣ ясно обнаружилась бы. Обвиненію меня при министерствѣ адмирала Шишкова въ допущенномъ по отчетности по производившимся подъ непосредственнымъ распоряженіемъ моимъ строгіямъ безпорядкѣ, я могъ неумышленно подать поводъ, и въ семъ оправдать себя не ищю. Ежели я увлекся въ семъ случаѣ за предѣлы возможности, то увлекался не корыстью, а чистымъ усердіемъ. Можетъ быть я ошибался въ хозяйственныхъ расчетахъ, имѣя исполнителями моихъ предположеній людей невѣрныхъ, употребившихъ во зло мою довѣренность, невольно могъ допустить безпорядокъ, но и въ семъ дѣлѣ, ни предъ Государемъ моимъ, ни предъ совѣстью упрекнуть себя не могу въ злонамѣреніи, ссылаясь на прилагаемое здѣсь въ копіи свидѣтельство почтоваго департамента, выданное мнѣ въ томъ: что управляя московскимъ почтамтомъ въ 1812 году, въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, до занятія Москвы французскою арміею, по распоряженію моему спасено казенныхъ и частныхъ капиталовъ суммою на 5.000.000 руб., какъ равно ограждены шедшія въ Москву по всѣмъ генеральнымъ трактамъ почты, съ которыми слѣдовали акты по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, которые непремѣнно захвачены бы были непріателемъ. Всю же собственность мою я оставилъ въ Москвѣ и выѣхалъ изъ нея за нѣсколько часовъ до вступленія императора французовъ. Предъ самимъ Богомъ и Государемъ сознаться не могу ни въ корысти, ни въ клеветѣ по дѣлу о профессорахъ с.-петербургскаго университета. Какіе имѣлъ виды министръ, давъ самому дѣлу направленіе, несообразное съ строгою справедливостію, за то отвѣчать не могу! Я, какъ подчиненный, мѣстный начальникъ, долженъ былъ исполнять предписанія начальства. Если же министръ видѣлъ, что я дѣйствую пристрастно и позорю подчиненныя мнѣ лица клеветою, онъ долженъ былъ остановить меня на первомъ шагѣ и распоряженія свои собственныя не обращать къ моему обвиненію.

Въ продолженіе 16-ти лѣтъ моихъ страданій, князь Голицынъ не неоднократно ходатайствовалъ у Его Императорскаго Величества въ пользу жены моей и многочисленнаго моего семейства (весьма мало ему извѣстныхъ), и нынѣ, оставя службу, испросилъ у Государя Императора продолженія еще на 6-ть лѣтъ женѣ моей съ семействомъ арендной выдачи, замѣнившей всеми-

доставивъше пожалованную мнѣ на 12-ть лѣтъ въ 1825 году аренду; но никогда не подумалъ смыть съ чести моей постыдное пятно клеветы, которою затмилось безкорыстное, вѣрноподданническое служеніе мое въ продолженіе 30-ти лѣтъ, въ глазахъ царствующаго Государя, Монарха великодушнаго и правосуднаго! Что могло удерживать его скрывать сущую истину и губить меня безвозвратно? Надобна была жертва, чтобъ заглушить безразсудное, пристрастное предпріятіе:—и оныя предалъ меня въ жертву!

Если къ усугубленію моего бѣдствія и 16-ти-лѣтнихъ страданій, мысль сія не истребилась въ высочайшемъ мнѣніи, и я, за приписанную мнѣ клевету, ношу на себѣ доселѣ гнѣвъ Государя Императора, поводомъ къ тому весьма естественно могутъ служить осужденіе главнымъ училищъ правленіемъ и министромъ лицъ, извѣстныхъ Его Величеству по преподаванію уроковъ въ заведеніяхъ, находившихся подъ непосредственнымъ высококомандарнымъ начальствомъ, особенно адъютанта Арсеньева; но осужденіе сіе не можетъ исключительно относиться ко мнѣ. Если министръ, департаментъ и главное училищъ правленіе находили въ дѣйствіяхъ моихъ пристрастіе и клевету, главное начальство мое должно было отвергнуть подлѣя и постыдныя покушенія мои, а не осуждать подъ личиною законнаго порядка людей невинныхъ и недостойныхъ осужденія; и въ семъ согласятся конечно всѣ, знающія законы, что одно мнѣніе мѣстнаго начальника не можетъ ослѣпить до того высшее начальство, чтобъ склонить его дѣйствовать не по закону и сущей справедливости, а по тому только направленію, которое доносителемъ пристрастно дано дѣлу.

Когда при наряженіи университетскаго суда я представлялъ князю Голицыну, что профессоры Болугьянскій, Германъ и адъютантъ Арсеньевъ лично извѣстны Его Величеству вдовствующей Императрицѣ и Государю великому князю, нынѣ Государю Императору, и занимаютъ должности въ заведеніяхъ, состоящихъ подъ непосредственнымъ высокимъ ихъ начальствомъ, князь Голицынъ отозвался, что я на сіе не долженъ обращать вниманіе, а поступить какъ того существо дѣла требуетъ. Мнѣніе бывшаго казанскаго попечителя Магницкаго, которое раздѣлялъ министръ, что дѣло требуетъ торжественной гласности, превозмогло всѣ мои настоянія — и главное училищъ правленіе безусловно подписало осужденіе.

Инквизиторіальныя преслѣдованія учебнаго преподаванія и книгъ, въ которыхъ находили вредныя начала, не прекращались. Нѣкоторое время спустя, министръ передалъ на разсмотрѣніе ученаго комитета главнаго училищъ правленія старинную книгу, сколько припомнить могу, извѣстнаго Вейсгаупта, которую съ замѣчаніями своими представилъ министру попечитель казанскаго университета Магницкій, включивъ въ представленіе свое замѣчаніе, что удаленные отъ преподаванія въ университетѣ профессоры допущены къ преподаванію въ военныя учебныя заведенія, которыя образуютъ будущихъ начальниковъ армій. Я отказался отъ всякаго сужденія по сему представленію и ссылаюсь въ томъ на журналъ засѣданія комитета; но всѣ мнѣнія мои оставались безъ уваженія, какъ скоро я не раздѣлялъ принятаго правила, преслѣдуя превратныя мысли и вольнодумство, преслѣдовать вмѣстѣ съ тѣмъ и лица, которыя въ распространеніи ихъ подозрѣвались. Я не могъ ничего остановить, и всѣ мѣры прещенія опредѣлены главнымъ училищъ правленіемъ и министромъ.

Министръ князь Голицынъ зналъ, что я ничего другаго въ предметѣ не имѣю, кромѣ объявленной имъ мнѣ высочайшей воли — истребить въ публичномъ преподаваніи свободомысліе, вольнодумство и безнравственность во всѣхъ училищахъ, болѣе или менѣе обнаруживавшихся. До начатія слѣдствія оныя долженъ былъ сообразить распоряженія свои съ уваженіемъ, которое на-

блюсти должно было къ высочайшимъ особамъ, начальствующимъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и распорядженій своихъ и главнаго училищъ правленія не сваливать исключительно на мое лице, ничтожное и безответное; недовольствоваться отзывами, что вдовствующая Императрица оказываетъ къ нему явное за профессора Германа неблаговоленіе, и при вступленіи на престолъ царствующаго Государя Императора, защитить предъ Его Величествомъ невинность мою въ безразсудномъ злоумышленіи и клеветѣ! Всѣ виды и дѣйствія мои въ продолженіе 30-ти-лѣтней службы единственно основаны были на вѣрноподданнической вѣрности, безпорочномъ служеніи и безкорыстіи! Въ дѣлѣ профессоровъ, по собственному непосредственному распоряженію министра и департамента произведенномъ, князь Голицынъ оградилъ себя совершеннымъ равнодушіемъ къ моей невинности и предалъ меня гнѣву моего Государя, какъ гнуснаго клеветника, происками котораго и онъ введенъ въ невинное заблужденіе!!

Предоставляю сердцевѣдцу оцѣнить вѣрность, усердіе и чистоту моихъ намѣреній; но до конца жизни не перестану скорбѣть, что подверженъ невольно гнѣву великодушнаго, правосуднаго и милосердаго монарха! Начавъ службу въ царствованіе блаженной памяти родителя Его Величества, продолжая оную 25 лѣтъ при августѣйшемъ его братѣ, я думалъ жизнь мою кончить въ службѣ моему Государю!

Въ доказательство истинны всего вышеизложеннаго, въ оправданіе мое я имѣю многія свидѣтельства какъ по управленію университетомъ, такъ и по строеніямъ, подъ веденіемъ моимъ производившимся; и изъ нихъ видно, что я ничего не дѣлалъ безъ вѣдома и разрѣшенія министра. Направленіе по дѣлу профессоровъ по собственнымъ ли расчетамъ или по стороннимъ внушеніямъ, но непосредственно давалъ князь Голицынъ. Я никогда не подалъ бы, если бы отъ власти моей зависѣло, повода къ насильственнымъ мѣрамъ по части народнаго просвѣщенія, которыя тогда принимались, и за мнѣнія и системы самыя ложныя, не подвергъ бы гоненію лица, которыя въ нихъ обличались. Правительство всегда имѣетъ въ рукахъ и безъ преслѣдованія личностей мощныя средства замѣнять порядокъ—безпорядкомъ (sic!); зло—добромъ! Но голосъ мой не устоялъ, а устояли голоса тѣхъ, которые требовали жертвъ и страха, никогда ничего непроизводящаго! Измѣнились обстоятельства — и я одинъ задавленъ! Князь Голицынъ, сдѣлавъ изъ меня предметъ общаго негодованія, при жизни еще покойнаго Императора, при вступленіи на престолъ Его Величества, нынѣ царствующаго Государя, скрылся за клевету, которая исключительно обращена на меня, и имѣя ближайшій доступъ къ высокомонаршему престолу, не оправдалъ моей вѣрноподданнической службы, оставляя меня въ продолженіе 16-ти лѣтъ подъ высокомонаршимъ гнѣвомъ, какъ дѣйствительнаго клеветника, по вѣренному ему управленію, дѣйствительно допустившаго безпорядокъ несообразными дѣйствіями.

17-й годъ я страдаю подъ гнѣвомъ моего Государя, и гнѣвъ сей невыносимъ для меня ссылки, тюрьмы и самой нищеты, меня постигшей, по чувству непоколебимой преданности къ моимъ государямъ, въ которыхъ всегда видѣлъ, вижу и видѣть не перестану представителей божіихъ на землѣ. 16-ть лѣтъ я ожидалъ, что князь Голицынъ, по одному чувству совѣсти и справедливости, оправдаетъ меня совершенно предъ Его Величествомъ въ убійственной для вѣрноподданнаго клеветѣ! Оставя нынѣ службу, а меня въ томъ же подозрѣніи, онъ далъ мнѣ право желать довести въ защиту мою истину до высочайшаго престола.

Если испрашивая у великодушнѣйшаго и правосуднѣйшаго изъ вѣнценосцевъ Государя Императора, подъ скипетромъ котораго благоденствуетъ Россія, милости и щедроты женѣ моей съ семействомъ, князь Голицынъ ду-

малъ заглушить во мнѣ чувства моей невинности и чести, и, удалясь отъ меня, хотѣлъ заставить меня молчать, не имѣя болѣе во мнѣ надобности, нынѣ же оставляя службу, по прежнему оставилъ меня въ высочайшемъ мнѣніи, подозрѣваемымъ въ той же клеветѣ, при концѣ жизни моей, и совѣсть и долгъ чести побуждаютъ меня обнаружить въ полномъ свѣтѣ невинность мою въ сей клеветѣ и участіи въ интригѣ. При дверяхъ гроба я умру спокойнѣе, увѣренный, что всемилостивѣйшій Государь преклонился къ невинности моей неистощимыми высокомонаршими правосудіемъ и благостію.

II.

Выписки изъ Статистики Россійскаго Государства, составленной адъюнктъ-профессоромъ Главнаго Педагогическаго Института Арсеньевымъ, посвященной бывшему почителю Уварову 1818 г. и замѣчанія на нее Магницкаго.

Въ посвященіи Уварову сказано: слабое произведеніе труда моего есть плодъ наставленій, полученныхъ мною въ заведеніи, хранимомъ вашими попеченіями.

Въ предисловіи сказано:

Въ расположеніи предметовъ, входящихъ въ составъ сей науки, я слѣдовалъ теоріи профессора Германа, бывшаго моего наставника по сей части.

Стр. 60.

Въ Россіи не только терпимы всѣ вѣры, но каждая пользуется равными правами и равною защитою правительства.

Тамъ же.

Христіанская вѣра исповѣдывается въ Россіи со всѣми ея измѣненіями.

Стр. 61.

Владычествующая вѣра въ Россіи имѣетъ перевѣсъ предъ прочими. Сверхъ большаго числа, она имѣетъ знатныя преимущества предъ иновѣрческими исповѣданіями, преимущества, утвержденныя многими государями.

Здѣсь выражаетъ авторъ книги духъ здѣшняго университета, въ которомъ онъ образовался такимъ, какимъ теперь есть.

Сей учитель автора книги нынѣ надзираетъ за воспитаніемъ благородныхъ дѣвицъ, а изъ университета по высочайшему повелѣнію выгнанъ послѣ обличенія въ самомъ открытомъ невѣріи студентскими тетрадами.

Все сіе ложно и злоумышленно.

Авторъ называетъ измѣненіями отпаденія и ереси, православною церквью анаемъ предаваемыхъ—изъясненіе совершенно турецкое!

Кто бы подумалъ, что авторъ самъ принадлежитъ къ владычествующей вѣрѣ, ибо называетъ православіе перевѣсомъ отъ числа его исповѣдающихъ, и отъ преимуществъ, какъ бы отъ привилегій происшедшихъ преимуществъ.

Стр. 61.

Владычествующая греко-россійская вѣра имѣеть предъ другими то преимущество, что никто исповѣдающій оную не можетъ перейти въ другую;— при томъ же иностранецъ, вступающій въ бракъ съ русскою или русскою съ иностранкою обязаны непремѣнно крестить дѣтей своихъ въ греко-россійскую вѣру.

Стр. 62.

Петръ Великій, находя старообрядцевъ и раскольниковъ опасными по ихъ правиламъ, преслѣдовалъ ихъ, и сіе гоненіе еще болѣе усилило фанатизмъ сихъ изувѣровъ, и распространило ихъ по всеѣмъ краямъ Россіи.

Стр. 64.

Число производящаго класса жителей положить можно болѣе 2.000.000 душъ.

Тамъ же.

Непроизводящій классъ относится къ производящему классу какъ 1: 9, или что 9 производителей содержатъ одного потребителя.

Стр. 65.

Россія весьма мало имѣеть средняго состоянія, естественнаго и весьма важнаго предѣла между земледѣльцемъ, обрабатывающимъ землю, и помѣщикомъ, владѣльцемъ земли. Это, можетъ быть, есть одна изъ важнѣйшихъ причинъ, почему славянскіе народы отстали въ своемъ образованіи отъ германскихъ.

Стр. 103.

Въ Россіи многія тысячи миль земли обитаемой и плодородной остаются невоздѣланными отъ того, что многія тысячи людей способныхъ изъ класса крестьянъ отторгнуты отъ земледѣлія и заняты работами, вовсе безплодными для богатства государства.

ществу, утвержденныхъ многими, а не всеѣми будто бы государями.

Продолженіе той же несообразности и хулы на правовѣріе.

Мѣры обращенія раскольниковъ называетъ авторъ преслѣдованіемъ и гоненіемъ, и говоритъ, что отъ нихъ расколы умножились, между тѣмъ какъ актами доказать можно, что расколы у насъ усилились и даже возникли новые съ половины XVIII столѣтія, когда обнародована неограниченная терпимость, философами сего вѣка установленная.

Классомъ производящимъ, трутнями, пожирающими произведенія общаго труда, называетъ авторъ дворянство, духовенство, и, подъ именемъ разночинцевъ и служащихъ всякаго рода, всеѣ лица правительства.

Здѣсь рассказываетъ онъ мысль свою ясно и утвердительно, говоря, что одного празднаго кормить 9 работниковъ.

Слава Богу, что отстали, хотя сего и не видно изъ сочиненія г. Арсеньева, ибо все возмутительныя и нечестивыя мысли его и даже самыя слова, какъ н. п. духовенство классъ производящій, суть списокъ съ самыхъ образованныхъ германцевъ.

Сія статья устремлена прямо на рекрутскій наборъ. Но что было бы въ богатствѣ, ежели бы ни кто не охранялъ его отъ неприятеля?

Тамъ же.

Монашеское чиновничество, столько гибельное для промышленности и народонаселенія государствъ южной Европы, не можетъ быть въ Россіи почтено препятствіемъ для успѣховъ земледѣльской промышленности.

Стр. 106.

Крѣпостность земледѣльцевъ есть также великое препятствіе для улучшения состоянія земледѣлія

Стр. 106.

Для поощренія къ большей дѣятельности и къ большому произведенію нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная, неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода, единый истинный источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности.

Стр. 204.

Народы бывають несчастны только по невѣжеству

Въ самомъ дѣлѣ, государи съ большею удобностію могутъ производить обширные свои планы къ достиженію цѣли государства, управляя народами

Какъ ни смягчилъ сію статью г. Арсеньевъ, но все, что онъ говоритъ о монахахъ иностранныхъ, относится прямо и къ нашимъ.

Всѣ статьи о крѣпостныхъ людяхъ такъ возмутительны, что не требуютъ въ семь отношеніи никакихъ примѣчаній. На нихъ можно сдѣлать одно только общее о безсовѣстности или невѣжествѣ автора: во всей Европѣ и особливо въ Англіи и Франціи классъ хлѣбопашцевъ несчастіе и крѣпостіе нашихъ. Невѣжество или безсовѣстность всѣхъ пишущихъ у насъ въ смыслѣ Арсеньева состоитъ въ томъ, что они нашего хлѣбопашца сравнивають не съ поденщикомъ, а съ арендаторомъ (fermier), между тѣмъ какъ нашъ крестьянинъ есть то, что въ чужихъ краяхъ поденщикъ, самый несчастный чловѣкъ, какой существовать можетъ, не имѣющій ни собственности, ни свободы, ибо изъ одной деревни въ другую перейти не можетъ безъ паспорта, а при малѣйшей винѣ выгоняется на большую дорогу и живетъ милостынею. Какъ сравнить положеніе сего чловѣка съ крестьянами большей части помѣщиковъ, или съ богатыми оброчными поселянами?

И такъ, вотъ чего хочетъ г. Арсеньевъ: неограниченной ничѣмъ гражданской свободы, т. е. революціи!

Нельзя сего сказать о Парижѣ при открытіи революціи.

Если бы былъ народъ такъ просвѣщенный, то государю первому надобно бы отъ него бѣжать. Въ этомъ согласились уже и философы XVIII столѣтія.

образованными, способными постигать и изъяснять причины и слѣдствія сихъ плановъ.

Стр. 205.

Главнѣйшія средства къ образованію гражданъ суть: воспитаніе, религія и науки.

Стр. 207.

Образованіе всей массы народа есть главнѣйшая основа всего просвѣщенія. Оно идетъ конечно весьма медленно, но за то, утвердившись одинъ разъ, продолжается гораздо долѣе, такъ что нельзя уже остановить постоянного его ходу.

Стр. 208.

Владѣтель земли можетъ ли надѣяться обильныхъ плодовъ отъ обработанія полей своихъ, ежели они воздѣлываются людьми, почти столько же безмысленными, какъ и животныя, влачащія плугъ?

Стр. 209.

Справедливо-ли препятствовать развитію физическихъ и нравственныхъ способностей людей, которыхъ простой случай поставилъ на низшую степенъ въ обществѣ, нежели другихъ?

Часть 2.

Стр. 1.

Только правленія деспотическія не имѣютъ коренныхъ законовъ, на которыхъ утверждается цѣлость всякаго благоустроеннаго государства.

Примѣчаніе:

Славный Шлѣцеръ въ сочиненіи своемъ: *Historische Untersuchung über Russlands Reichsgründgesetze*, утверждаетъ, что въ Россіи только два коренныхъ закона, и оба служатъ опредѣленіемъ правъ монарха; первый, по его мнѣнію, есть то, что власть монарха неограниченна, а второй, что престолъ

Что разумѣется подъ воспитаніемъ, поставленнымъ независимо отъ религіи и наукъ, и какъ можно поставить въ печатной книгѣ религію средствомъ къ образованію?

Здѣсь г. Арсеневъ высказалъ свою тайну. Образованіе народа, имъ желаемое, таково, что какъ скоро его допустить, то и унять уже не можно. Какъ назвать это иначе, какъ не революціею?

Итакъ, по словамъ г. Арсенева, почетный классъ нашихъ хлѣбопашцевъ, отцовъ тѣхъ воиновъ, которые взяли Парижъ, 18 милліоновъ почти также безмысленны, какъ животныя влачащія плугъ, т. е. быки или лошади.

Не говоря уже о томъ, что сіе развитіе есть печать германской философіи, которая все развиваетъ, любопытно замѣтить, что по образу мыслей г. Арсенева, не Богъ, а простой случай учреждаетъ человѣческія общества.

Статья сія примѣчательна потому, что относится прямо къ намъ, ибо на той же страницѣ въ примѣчаніи говорится, что у насъ, по мнѣнію Шлѣцера, два коренныхъ закона, ограждающіе власть монарха.

въ Россіи наследственный Постановленія, утверждающія права народа, не считаетъ онъ коренными законами. Грамота дворянству и городовое положеніе, составленныя Императрицею Екатериною Великою, и учрежденія нынѣ царствующаго Государя касательно сего предмета, должны быть приемлемы, вопреки мнѣнію Шлёцера, коренными законами и проч.

Стр. 2.

Великая имперія необходимо предполагаетъ безпредѣльную власть въ особѣ верховнаго повелителя. Быстро въ рѣшеніи и въ исполненіи должна облегчать неудобства, отъ отдаленности мѣстъ происходящія.

Стр. 4.

Царь Іоаннъ Грозный выступилъ изъ предѣловъ законной монархіи. Россія на короткое время склонилась подъ ярмо деспотизма.

Стр. 5

Государь въ своей особѣ соединяетъ всѣ отрасли верховной власти: власть законодательную, судебную и исполнительную. Никакое сословіе, никакое правительственное мѣсто и никакое лицо не имѣютъ въ томъ никакого непосредственнаго участія.

Стр. 10.

Титло: Самодержецъ Всероссийскій, носимое нынѣшними государями, имѣетъ въ семъ постановленіи Іоанна свое основаніе.

Тамъ же.

Съ самаго основанія Россійскаго государства наследственность престола считалась закономъ, утверждавшимся на обыкновеніи; особенныхъ постановленій въ разсужденіи сего предмета не было, но безмолвное согласіе подданныхъ, освященное временемъ, содѣлало сей обычай неизмѣннымъ.

Разсужденіе сіе совершенно ложно. Степень державныхъ властей не верстами имперіи, а промысломъ божіимъ распредѣляется, ибо Великобританія съ Индіею и всѣми ея колоніями не менѣе пространства занимаетъ, но въ ней король не есть самодержавный монархъ, а между тѣмъ каждый губернаторъ Индіи есть паша турецкій.

Изъ какой же законной монархіи? и дѣдъ его развѣ менѣе былъ самодержавенъ?

Это опредѣленіе турецкаго правительства, и доказательство, что авторъ не читалъ ни учрежденія о губерніяхъ, ни регламентовъ коллегій, ни наставленія губернаторамъ, ни установленія сената, ни образованія государственнаго совѣта, ни правилъ для комитета гг. министровъ.

То есть, титло письменное; а великіе князья московскіе и даже князья удѣльные всегда были самодержавны, и вѣроятно Рюрикъ болѣе всѣхъ прочихъ.

Сколько словъ пустыхъ для того только, чтобъ указать, что доколѣ подданные не возражаютъ, дотолѣ престолъ можетъ оставаться наследственнымъ?

Стр. 11.

Есть примѣры въ исторіи російской, что нѣкоторые государи одолжены престоломъ выбору.

Стр. 13.

Государи російскіе должны исповѣдывать греческую вѣру. Императрица Екатерина I въ 1727 году въ завѣщаніи своемъ постановила сіе непремѣннымъ закономъ. Онъ свято сохраняется былъ и доселѣ всѣми ея преемниками.

Стр. 14.

Хотя императрица Екатерина II созывала извѣстное число людей изъ различныхъ сословій гражданъ, препоручая имъ разсмотрѣніе и составленіе законовъ; но при семъ руководствовалась она сердечнымъ стремленіемъ къ достиженію общаго блага, а не какиминибудь принудительными постановленіями.

Стр. 15.

Право давать законы имѣеть одинъ только законодатель, какъ представляющій въ своей особѣ все общество соединенное и содержащій всю власть въ своихъ рукахъ.

Тамъ же.

Государь есть глава Церкви російской, слѣдовательно съ свѣтскою властію онъ соединяетъ и высочайшую духовную власть.

Стр. 49.

Жалованье землями на пользу храмовъ и служителей божеству, или право сихъ послѣднихъ пользоваться доходами съ земель было въ обыкновеніи

Еслибъ авторъ сей книги прочелъ внимательно тѣхъ лѣтописцевъ, которые говорятъ о сихъ выборахъ, то онъ узналъ бы, что государи сіи одолжены престоломъ не просто выбору, но явному избранію божію, ознаменованному во всенародныхъ молитвахъ и совѣщаніяхъ духовенства, руководимыхъ мучажами отличной святости, въ нарѣченіи царя какъ бы одними устами народомъ, вышедшимъ изъ храма кремля, и собравшимся на красной площади. Онъ узналъ бы, что тотъ, кто сказалъ: мною царіе царствуютъ, сказалъ сіе неложно.

Ошибся только осмью вѣками, которые прошли между святымъ Владиміромъ и Екатериною I.

То есть, къ сожалѣнію автора, не были созданы штаты, которые бы принудили Екатерину, какъ Людовика XVI, подписать конституцію принудительнымъ постановленіемъ.

Самодержецъ совсемъ не представляетъ общества, имъ управляемаго, а представляетъ Бога, имъ управляющаго.

Глава церкви у насъ Христосъ; а Государь—первый сынъ и защитникъ ея.

И ложное, и богохульное смѣшеніе язычества съ православіемъ. Содержаніе церкви и духовенства учредилъ самъ Богъ въ законѣ іудейскомъ.

у всѣхъ древнихъ народовъ: у египтянъ, у персовъ и у грековъ. Храмъ дельфійскій обладалъ пространными полями и рощами. Обыкновеніе сіе сохранилось и въ среднемъ вѣкѣ всѣми народами, принявшими христіанскую вѣру.

Стр. 75.

Появленіе и умноженіе класса свободныхъ крестьянъ будетъ служить вѣрнымъ свидѣтельствомъ умноженія народнаго богатства и народной образованности. Онъ есть предшественникъ будущей всеобщей самостоятельности крестьянъ.

Стр. 86.

Въ древнія времена въ Россіи была извѣстна крѣпость. Холопы древніе были люди, которые были осуждены на вѣчную неволю или на временную. Полные холопы были люди совершенно безправные: участь ихъ въ полномъ смыслѣ зависѣла отъ воли и даже отъ прихоти ихъ господина

Стр. 87.

Крестьяне были всѣ вольные, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до XVIII столѣтія.

Стр. 89.

Многіе иностранцы представляютъ крѣпость нашихъ крестьянъ совершеннымъ рабствомъ. Перри изобразилъ крестьянъ въ самыхъ ужасныхъ видахъ. Вилліамъ Коксъ говоритъ: русскіе болѣе и болѣе приближаются къ полной образованности народной, но еще слишкомъ далеки отъ оной: доколѣ большая часть народа останется въ совершенномъ рабствѣ, дотолѣ народъ не имѣетъ личной безопасности и неуверенъ въ своей собственности, дотолѣ нельзя ожидать существенной, благодѣтельной перемѣны въ нравахъ народныхъ; ибо что можетъ поощрить къ усовершенствованію себя людей, которые не въ правѣ пользоваться плодами трудовъ своихъ?

Сіи описанія иностранцевъ увеличиваютъ слишкомъ много невыгоды крѣпости; но во многихъ отношеніяхъ имѣютъ свое основаніе.

Весьма неприличное и опасное толкованіе положенія о свободныхъ хлѣбопашцахъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь о семъ не принадлежитъ къ статистикѣ.

Косвенный ударъ нынѣшнимъ помещикамъ.

Опасное объявленіе въ печатной книгѣ.

Неприличная и вредная статья.

Хитро смягчилъ авторъ приведенное мѣсто.

Стр. 91.

Всякая жалоба или доносъ со стороны крестьянина на своего господина считается неповиновениемъ, ибо первый на послѣдняго истцомъ быть не можетъ.

Стр. 93.

Задѣльные крестьяне, занятые господскими работами, не имѣютъ времени исправлять своихъ собственныхъ надобностей по хозяйству. Таковые крестьяне большею частью бѣдны. Крестьяне, мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ принадлежащіе, имѣютъ еще менѣ средствъ къ своему благосостоянію, и суть истинные рабы не по названію, а по существу своему.

Стр. 96.

Слѣдствія сего невыгодны ни для помѣщиковъ, ни для крестьянъ: крестьяне считаютъ себя обремененными и угнетенными, ибо они работаютъ не для себя и даромъ; помѣщики менѣ получаютъ доходовъ и выгоды, ибо земля обрабатывается безъ участія, нехотя и часто безъ должнаго надзору.

Тамъ же.

Управленіе деревень и крестьянъ посредствомъ прикащиковъ есть самое обременительное и невыгодное, но, къ сожалѣнію, почти повсемѣстное въ Россіи. Управители деревень и крестьянъ помѣщичьихъ, водимые корыстью и желаніемъ обогатиться, весьма часто угнетаютъ крестьянъ.

Стр. 99.

Крѣпостность крестьянъ имѣетъ неблагоприятное вліяніе на систему земледѣльской промышленности въ Россіи. Екатерина Великая сдѣлала на сей счетъ важное замѣчаніе въ Наказѣ своемъ, что «земледѣліе не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ никакой собственности».

Стр. 109.

Каждый подданный отъ управляющей власти не можетъ болѣе требовать какъ только, чтобы отвращаемы были всѣ препятствія, могущія встрѣтиться при его свободной дѣятельности.

Самая наглая ложь и порицаніе на настоящее правленіе, которое столько примѣровъ справедливости въ семъ отношеніи показало.

Какая статья возбуждать народный ропотъ подобными разсужденіями въ учебной книгѣ?

То же.

То же.

То же.

Изрядное требованіе! Если бы каждый подданный имѣлъ на него право, то больше и ненужно для разрушенія государства.

Стр. 110.

Однакожь, сколько бы ни казалась раздѣленною власть верховная, все предполагается, что одно только лице въ монархіи—монархъ имѣетъ полную волю именемъ всѣхъ хотѣть и даже принуждать къ исполненію своей воли, не будучи самъ нимало ограниченъ.

Стр. 180.

Люди, опытностію или прилежнымъ чтеніемъ приобрѣтшіе познаніе въ законахъ, одни имѣютъ силу вязать и рѣшать, и хорошо, еслибъ судъ ихъ былъ праведенъ; но къ сожалѣнію, знающіе стряпчіе, руководимые не безпристрастіемъ, а лихоимствомъ, часто разрѣшаютъ виновныхъ и запутываютъ невиновныхъ, но неопытныхъ, въ сѣтяхъ ложнаго толкованія законовъ. Несвѣдущіе крестьяне, вовлеченные въ тяжбыныя дѣла, прежде окончанія своего иска, часто бываютъ добычею неправильныхъ притязаній судей въ нисшихъ инстанціяхъ.

Стр. 181.

Но при всемъ томъ процессы, или тяжбы, бываютъ обременительны для обѣихъ тяжущихся сторонъ въ Россіи. Великая масса узаконеній и указовъ, неприведенныхъ еще окончательно въ систему, и бѣдное жалованье чиновникамъ въ судебныхъ мѣстахъ есть единственная тому причина. Необезпеченность въ состояніи, недостатокъ въ содержаніи и невозможность удовлетворить сомонужнѣйшимъ потребностямъ даютъ поводы къ поползновенію на злоупотребленія многообразныя.

Стр. 220.

Такое вооруженіе многочисленное (1.300.000) не могло быть необременительно для народа. Въ Россіи 20.000.000 жителей мужескаго пола, несущихъ рекрутскія повинности; должно принять по большей мѣрѣ четвертую часть сего числа людей военнаго возраста, что составитъ 5.000.000 душъ, съ которыхъ собственно берутъ рекрутъ.

Стр. 225.

Ни одна европейская армія не содержится въ пропорціи, равной числу.

Открыто противъ самодержавія.

Насмѣшливое употребленіе евангельскаго выраженія.

Самое безстыдное порицаніе цѣлаго класса государственнаго чиновниковъ.

Открытый упрекъ правительству.

Еще упрекъ правительству и за войско.

столь умѣренными суммами, какъ Россійская; ни одной державѣ не обходится такъ дешево содержаніе войскъ, какъ Россіи. Солдаты прочихъ государствъ Европы имѣютъ большее жалованье, нежели наши. И при всемъ такомъ умѣренномъ содержаніи армія наша потребляетъ великую часть государственныхъ доходовъ.

Стр. 257.

Всякій налогъ, всякая подать есть въ существѣ своемъ тяжесть, налагаемая на народъ и неохотно несомая. Европейскіе христіанскіе народы не всегда слѣдуютъ охотно, съ душевнымъ расположеніемъ сему евангельскому правилу: воздадите Кесарева Кесареви.

Выговоръ и за жалованье солдатамъ, да и полезное имъ указаніе.

Выговоръ за подати и насмѣшка надъ святѣйшимъ закономъ, на которомъ утверждены троны царскіе.

Примѣчательно то, что авторъ сей книги, выгнанный изъ здѣшняго университета по дѣлу о вредномъ преподаваніи, опредѣленъ во многихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ.